
Ольга Филбор
Алиса в стране кланов
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Ольга Филбор
Алиса в стране кланов

https://litres.ru/74776913
SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса думала, что хуже измены ничего не бывает. Но одна ночь перевернула всё.

Ещё вчера у неё была работа, парень и съёмная квартира. А сегодня Алиса просыпается в чужом доме, с разбитой губой, в футболке главы клана, и не понимает, что будет дальше. Одна случайность, и она оказалась в стране кланов: для одних становится важной, для других - костью в горле.

Стас Власов, человек, рядом с которым убивают, но теперь только рядом с ним она в безопасности.

Он не объясняет и не извиняется. Целует так, что перехватывает дыхание, а потом исчезает в делах, где ей нет места. У него есть невеста и куча врагов. И влюбляться в него нельзя, но уже поздно.

Алиса быстро учится постоять за себя. Она начинает распутывать тайну о том, кто стравливает кланы, и с каждым шагом опасность ближе. А Власов рядом с ней теряет самообладание, срывается и делает то, чего сам от себя не ожидал.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	55
Глава 6	69
Глава 7	82
Глава 8	92
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Ольга Филбор
Алиса в стране кланов

Глава 1

У отдела кадров был большой кабинет с огромными окнами. Алиса села на стул напротив стола, сумку с плеча не сняла. Начальница отдела, молодая женщина в стильных очках и ярко-алой помадой, пододвинула к ней лист бумаги.

— Вот, — сказала она. — Пиши. По собственному желанию, с сегодняшнего дня.

Алиса посмотрела на бланк, потом на неё.

— По собственному?

— По собственному, — спокойно кивнула женщина.

— С сегодняшнего?

— С сегодняшнего, — женщина отпила из чашки и поставила её на подстаканник.

— А если я не хочу?

— Алиса, — она вздохнула так, будто объясняла это пятый раз за утро, — не надо. Тебе же лучше уйти тихо. Приказ уже подписан.

— Чей приказ?

Пауза вышла длинной. Женщина посмотрела на дверь, потом мимо Алисы, в стену.

— Директора.

— А если я не напишу?

— Тогда напишут за тебя, — она понизила голос. — Ты же понимаешь, с ним не спорят. Я тебе сочувствую, место хорошее, но такие вот дела.

Алиса взяла ручку и быстро написала заявление. Дата, подпись. Буквы получились злые, с нажимом, на бланке остались вмятины. Женщина забрала лист, проверила, кивнула и сказала: «Расчёт придет на карту. Удачи!»

В коридоре пахло кофе из автомата. Навстречу шли двое из отдела продаж, оба поздоровались и оба посмотрели не в глаза, а в пол. Значит, уже знают. Знали раньше, чем она. От злости стало жарко. Алиса дошла до конца коридора, где за стеклянной дверью сидел тот, из-за кого всё это было, и вошла, не постучав.

Он поднял голову от ноутбука. Светлая рубашка, рукав подвёрнут, часы на запястье, белоснежная улыбка. На столе стояла рамка с фотографией, но не с ней.

— По какому праву ты так делаешь? — сказала она с порога.

— Проходи, присядь.

— Я не сяду, — она осталась стоять, откинув с плеча свои кудрявые каштановые волосы. — Как ты посмел меня уволить?! Я работала тут еще задолго до тебя! — Алиса выдохнула. Она чувствовала, что начинает закипать; обида стояла в горле комком. — Я тебя застала с ней. В твоём кабинете.

Ты даже дверь не запер!

— И поэтому ты теперь кричишь на весь этаж? — сказал он, не отрываясь от экрана ноутбука. Он наконец поднял голову и посмотрел на неё.

— А что ты думала? Что я буду работать с бывшей в одном офисе? Сидеть с тобой на одном этаже.

— Но это ты мне изменил!

— Я тебе не изменял. Ну расслабился один раз, с кем не бывает, — он пожал плечом. — Ты залезла в мой телефон, устроила сцену в кабинете. Если ты не можешь закрыть глаза на такие мелочи, нам с тобой не по пути. Это было понятно ещё тогда.

У неё горели щёки. Увольнение было унизительным, но это оказалось хуже: она стояла посреди его кабинета и слушала, как ей объясняют, что она сама виновата в том, что её предали.

— Это я еще и виновата!

— Я этого не говорил, — он даже не встал со своего кресла. — Заявление подписала? Вот и молодец. Хочешь, тебе рекомендации напишем? Не усложняй, Алиса.

Алиса смотрела на его макушку, на аккуратный пробор, на надменную улыбку, и понимала, что сейчас расплачется.

— Знаешь, ты совершенно ничего из себя не представляешь! Ты гнилой, — голос всё-таки сорвался, и от этого она разозлилась ещё сильнее. — Ты даже уволить меня сам не смог. Тебе пришлось идти к папе и просить. Да чтоб тебе

пусто было, придурок! Как я вообще повелась на тебя!

Она развернулась и быстро вышла из его кабинета. Пока она шла по коридору, все смотрели на неё. Все уже знали, что она встречалась с сыном директора и что он её бросил и уволил. Так унизительно Алиса не чувствовала себя за все свои двадцать четыре года. Если бы она тогда поверила всем вокруг и своей интуиции, которая говорила ей, что он бабник, она бы не была сейчас в такой ситуации. Но она потеряла голову от чувств и стала с ним встречаться. Красивый, страстный и так искусно ухаживал, что, конечно же, она растаяла.

Алиса вышла из здания, прошла несколько шагов, потом оглянулась, как будто прощаясь, и слёзы покатились градом.

Вечером она встречалась с подругой в баре, ей нужно было выпить и отметить свою чёрную полосу. Бар назывался «Подводная лодка» и был из тех мест, где днём обедают, а вечером расслабляются с алкоголем. Над стойкой висел телевизор без звука, в нём гоняли мяч по зелёному полю.

Кира уже сидела на высоком табурете и махала ей рукой.

— Я взяла тебе то же, что себе, — сказала она, когда Алиса села. — Не спорь.

Перед Алисой стоял бокал с чем-то оранжевым, в котором плавал ломтик апельсина. Алиса взяла бокал, отпила и поморщилась. Сладко, холодно, и от холода сразу заломило зубы.

— Ну рассказывай, — сказала Кира, разворачиваясь к ней

всем корпусом. — Только с самого начала.

И Алиса рассказала: про то, как она застала его в кабинете с другой, как он даже оправдывался, как утром ей дали бумаги и сказали писать заявление, как она пришла к нему и был унизительный разговор.

— То есть он тебя уволил! — Кира поставила бокал. — За то, что ты увидела, что он трахает секретаршу.

— Тише ты.

— Ну и козёл!

— Он сын директора, Кир. Сказал папочке, и тот дал распоряжение уволить ненужную девочку. Чувствую себя такой маленькой, ненужной. Когда никто за тебя не вступится, понимаешь? — Алиса вытерла слёзы. — Будет мне уроком на работе отношения не заводить.

Кира откинулась на спинку табурета и посмотрела на неё с той степенью возмущения, на которую была способна после двух коктейлей. Потом фыркнула и подняла бокал.

— За твою новую жизнь. Без этого урода и без этого дурацкого офиса. Работу найдешь, даже не сомневайся.

Они чокнулись. Стекло звякнуло глухо, потому что бокалы были толстые, дешёвые, как в таких местах и бывает.

— Я завтра с утра сяду искать работу, — сказала Алиса. — У меня есть немного времени, а потом нужно будет за квартиру платить.

За соседним столиком громко смеялась шумная компания парней и девушек. Алисе было совсем не до веселья. Хо-

телось прийти к нему и набить ему морду, высказать всё, что не смогла.

Мужчина появился у конца стойки в чёрных джинсах, кофте и бейсболке. Он слишком быстро огляделся. Посмотрел на дверь, на зал, на бармена, потом опять на дверь, будто прятался от кого-то. Алиса заметила это краем глаза и не придала значения. Мало ли кто как себя ведёт в баре.

Вскоре вошли ещё двое. Высокие, широкие, тоже в чёрном. Они прошли вглубь и начали осматривать всех присутствующих. Мужчина у стойки увидел их и сразу отвернулся к зеркалу за баром, потом шагнул в сторону, где сидели подруги.

— Девчонки, — сказал он. Голос был обычный, даже приятный. — Время не подскажете? Телефон сел.

Кира потянулась к своему, но Алиса уже подняла руку и посмотрела на часы, старые, на кожаном ремешке, которые носила с института.

— Половина одиннадцатого, — сказала она.

— Спасибо.

Он стоял близко, наклонясь к ней, и на секунду его лицо оказалось совсем рядом: серые глаза, сухая кожа, пот на виске. Он положил руку на спинку её стула и тут же убрал, сказал ещё раз «спасибо» и пошёл не к выходу, а вглубь зала, к двери с табличкой «Только для персонала», и исчез за ней так спокойно, будто имел на это право. Двое у входа двинулись за ним, но не бегом, а широким шагом, и один из них

на ходу достал телефон и что-то сказал в него, коротко, в три слова.

Кира проследила за ними взглядом.

— Вот это кино, — сказала она. — Ты видела? Они за ним пошли.

— Видела.

— Может, полиция?

Алиса безразлично пожала плечами.

— Давай ещё по одной, — предложила Кира.

Алиса кивнула и полезла в рюкзак за деньгами. Рюкзак лежал на соседнем табурете, её любимый, тёмно-коричневый; она сунула руку в задний карман, нащупала деньги и не заметила, что карман стал чуть тяжелее, чем был утром.

Они просидели ещё около часа. Алиса продолжала изливать душу, а Кира старалась развлекать её как могла. Но получалось неважно. Потом подруги попрощались, и Алиса пошла на остановку.

Автобус шёл почти пустой. Алиса сидела у окна и прижималась головой к холодному стеклу. Дребезжало, отдавалось в зубах, и в этой дрожи было даже что-то успокаивающее. В голове мелькали события последних трёх месяцев. Она вспоминала, как он в первый раз ждал её у выхода из офиса с двумя стаканами кофе, как она смеялась, как он приглашал её в ресторан, где официант знал его по имени, какие огромные букеты приносил ей курьер. Как она первый раз осталась у него до утра, а утром увидела в ванной зубную щётку

для неё и подумала, что вот это, наверное, и есть счастье. А потом был его кабинет в семь вечера, приоткрытая дверь и секретарша, которая сидела на краю стола в задранной по пояс юбке и с раздвинутыми ногами, а он стоял и щупал её, пуская слюни.

Самое противное было даже не это. Самое противное было то, как спокойно он сказал: «Ты не можешь закрыть на это глаза? Значит, нам не по пути». Алиса вытерла глаза рукавом кофты и посмотрела в окно, чтобы не видеть своё отражение. Она не плакала из-за него. Она плакала из-за того, что у неё не было ни работы, ни парня. И, самое ужасное, она плакала от унижения и обиды: человек, который был с ней, говорил, что влюблён, и так просто от неё отмахнулся, как от назойливой мухи.

От остановки она шла пешком, три двора, мимо мусорных баков и детской площадки, где скрипела на ветру одна качель. Подъезд встретил её запахом мокрого бетона и чужого табака. Лифт, как назло, не работал, и она пошла пешком на пятый, считая ступеньки, чтобы не думать.

Ключ повернулся тяжело. Алиса толкнула дверь, включила свет в прихожей, сняла кроссовки и бросила их в угол, потом швырнула рюкзак на пол, со злостью, так, что тот отлетел к стене. Стало немного легче.

Она щёлкнула выключателем в комнате и замерла. На стуле посреди комнаты сидел мужчина.

Не у окна, не в кресле, где было бы логично, а именно

на стуле, который обычно стоял у стола. Второй, широкий, в тёмной футболке, стоял у шкафа. Оба были высокие и широкие. Она не успела ни закричать, ни отступить. Второй шагнул к ней, взял за плечи и развернул так, что она оказалась спиной к дивану, а потом посадил. Она больно прикусила язык и вцепилась руками в колени.

— Здравствуй, — сказал тот, что на стуле.

У него было обычное лицо. Шатен, гладко выбритый, в чёрной рубашке с длинным рукавом.

— Долго же ты гуляешь, — продолжал он. — Итак. Ты отдашь флешку, и мы уйдём, и ты будешь жить дальше, как жила. Никто тебя не тронет. Поняла?

Алиса открыла рот. Из него не вышло ни звука. В голове ворочалось одно слово: флешка. «Какая флешка? Кто они? Как сюда попали? Они сейчас убьют её. Лучше не спорить с ними» — мысли неслись одна за другой. У неё были флешки. Три или четыре, в ящике стола, в шкафу, одна валялась в сумке с ноутбуком. Зачем кому-то её флешки?

— Я... — она сглотнула, — я не понимаю. О какой флешке?

— О той, которую тебе дали сегодня, — он смотрел на неё абсолютно без эмоций. Алисе было страшно, она хотела кричать.

— Мне никто ничего не давал. Я была в баре. С подругой. Мы сидели, потом я поехала домой. Вот и всё.

— Где флешка? — уже громким голосом спросил тот, что

на стуле.

— У меня есть флешки, — сказала она быстро. — В шкафу. Вон там, верхняя полка. Там две или три, я не помню. Посмотрите, если нужна флешка, забирайте, мне не жалко.

Второй, не глядя на неё, открыл шкаф. Вытащил коробку из-под обуви, в которой лежали зарядки, старые чехлы, документы на квартиру и вперемешку с этим две флешки, одна синяя, другая с обломанным колпачком. Он вытряхнул коробку на пол. Потом нагнулся и достал из ящика тумбочки ещё одну, с надписью «Диплом».

Флешки полетели на пол. Одна попала под стол и укатилась к батарее. Шатен встал со стула и подошёл к ней вплотную. Теперь он был выше, чем казался, и от него пахло одеколоном и потом.

— Ты что, шутишь? — спросил он почти с сожалением.

Алиса успела открыть рот.

Удар был короткий и тяжелый, и от него голова мотнулась в сторону, а перед глазами на секунду стало белым. Она услышала, как хрустнуло что-то в шее, и как щёлкнули её собственные зубы. Потом пришла боль, тупая, тяжёлая.

— Я ещё раз спрошу, — сказал он, наклоняясь. — И последний.

Он взял её за подбородок и повернул лицом к себе. Она видела его глаза совсем близко, серые, спокойные, и в них не было злости. В них вообще ничего не было.

— Не понимаю, — сказала она. Голос шёл тонко, с при-

свистом. — Пожалуйста. Я не понимаю, о чём вы. Я была в баре, я пришла домой, у меня нет ничего...

— Плохо, — сказал он и вытер руку о её же плечо, будто испачкался. — Значит, сделаем так, — шатен сел обратно на стул и положил руки на колени. — Мы с моим другом сейчас немного с тобой повеселимся. Не для удовольствия, ты не подумай, просто чтобы ты стала разговорчивее. А потом, если ты всё равно будешь тупая, мы тебя убьём.

Он кивнул второму. И тот быстро взял её за ворот кофты, потянул вверх и поставил на ноги, потом развернул к себе и положил руку ей на грудь. Алиса дёрнулась и вцепилась ему в запястье, но он даже не заметил, только прижал её к дивану. Она не помнила потом, кричала ли. Помнила, что мир сузился до запаха его футболки и до того, что надо сказать хоть что-то, что угодно, только чтобы стало не так страшно.

— У меня нет флешки! — закричала она. — Нет! Я не знаю, что вам нужно!

— Сейчас вспомнишь, — сказал шатен. А второй уже задирал ей футболку, больно и грубо лапая. Он уже тяжело дышал, и Алиса почувствовала, что он ел на ужин; её подташнивало, и она изо всех сил пыталась увернуться. И тут в прихожей что-то громко треснуло.

Алиса успела увидеть в проёме двух мужчин, оба высокие, оба в тёмном, и один из них шёл уже вперёд, не глядя по сторонам. Дальше всё было обрывками. Парень, который вжимал её в диван, быстро слез с неё и тут же получил в лицо

удар от только что вошедшего гостя в чёрной водолазке и с короткой стрижкой. Его друг накинулся на шатена. Они все крушили: кто-то упал на стул, кто-то впечатался в шкаф и пробил дверцу, кто-то уже сломал что-то в прихожей.

Алиса сползла с дивана, забилась в угол между ним и стеной и обхватила колени руками. Она не помнила, сколько это продолжалось. Это было ужасно: её трясло, хотелось бежать, но тело не слушалось.

Потом шатен, пригибаясь, побежал к двери, выскочил на площадку, и второй за ним, и на лестнице ещё дважды что-то глухо стукнуло. Стало тихо. Только на площадке у лифта кто-то невидимый теперь уже спокойно сказал: «Всё, сбежали, суки». Один из вошедших, тот, что в водолазке, остановился посреди комнаты, оглядел стол, шкаф, осколки чего-то на полу, и только потом посмотрел вниз, в угол, где она сидела. Он присел на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне, и она увидела его светлые глаза и русые волосы, коротко стриженные, и татуировку, выглядывавшую из-под рукава водолазки.

— Эй, — сказал он. — Всё. Те ушли.

Алиса смотрела на него и не могла выговорить ни слова. У неё стучало в виске, губа распухла, и по подбородку текла кровь, накапала на уже порванную футболку.

— Я тебя не трону, — сказал он спокойно. — Я девушек не бью. — Она не поняла, правду ли он говорит, и от этого всхлипнула. — Так. Они у тебя флешку спрашивали?

Алиса закивала, и слёзы пошли сильнее.

— И ты им что сказала?

— Я не знаю... — она вытерла лицо ладонью, размазала кровь по щеке. — Я не понимаю, о чём вы все. У меня есть флешки, я им говорила, в шкафу, они посмотрели и бросили. Я не знаю, что вам нужно. У меня ничего нет.

— Так, — он говорил, не отводя от неё взгляд. — Стоп. Ты сказала им, что у тебя есть флешки, и предложила забрать?

Она кивнула. И тут он улыбнулся. Не зло, а как человек, который услышал что-то нелепое и хорошее одновременно. Он обернулся.

— Матвей. Рюкзак.

Второй, тот, что стоял у стены и вытирал разбитую руку о джинсы, поднял с пола её рюкзак и принёс.

Он вытряхнул его прямо на диван: кошелёк, ключи, пачка влажных салфеток, зарядка, какая-то скомканная квитанция, огрызок карандаша и две тетрадные страницы с её почерком. И флешка. Она выпала последней, стукнула о подушку на диване и легла сверху. Небольшая, тяжёлая, в корпусе из серебристого металла, сделанном в виде складного ножика: с одной стороны рукоять, с другой — короткий клинок, а в торце, если приглядеться, торчал разъём. Алиса вытаращила глаза.

— Это не моё, — сказала она.

Мужчина взял флешку, повертел в пальцах, большим пальцем отщёлкнул лезвие. Внутри оно было полым, а в па-

зухе, где у обычного ножа лезвие, блестел металлический контакт.

— Не твоё, — повторил он за ней.

— Не моё! — она поняла, что кричит, и понизила голос. — У меня никогда такой не было. Это не моя флешка, я её первый раз вижу.

Он смотрел на неё ещё секунду, потом перевёл взгляд на Матвея.

— Ладно, — сказал он.

Он встал, положил флешку в карман и кивнул напарнику на дверь. Алиса смотрела, как они уходят, и в голове было только одно: сейчас за ними закроется дверь, и она останется здесь, среди разгромленной комнаты, и вдруг те первые вернутся. Она хотела сказать, чтобы они подождали, но из горла вышел только выдох.

Лампочка на площадке между четвёртым и третьим мигала и половину времени не горела вовсе, и они шли вниз почти на ощупь, держась за перила. Матвей шёл первым, на ходу вытирая костяшки о джинсы. У него на руке уже наливалось синим.

— Хорошо погуляли, — сказал он, когда они вышли на площадку. — Ты видел, как он через стол сиганул? Как сайгак.

Он не ответил. Думал о флешке в кармане. Серебряный ножик, тяжёлый. Такие делают на заказ, и делают их люди, которые знают, зачем.

— Слушай, — Матвей остановился, достал из пачки сигарету, но зажигалки не нашёл и держал сигарету в пальцах. — Девчонку жалко.

— Какую девчонку?

— Ту, в квартире, — он кивнул вверх. — Тимуровские вернутся, а она не при делах, по ходу.

Он вспомнил её испуганный взгляд. Как она сидела в углу между диваном и стеной, обхватив колени, маленькая, в рваной футболке, с кровью на подбородке, и смотрела на него так, как смотрят на человека, от которого ждут, что он всё-таки ударит.

Он уже видел такое. Не таких, как она, а такие ситуации: человек случайно оказался рядом, и спасать его теперь нет смысла, потому что он всё равно не жилец. Обычно в этот момент надо уходить и не оборачиваться. Всех не спасёшь.

— Ты иди, — сказал он Матвею. — Я сейчас.

Матвей посмотрел на него, потом на лестницу наверх, потом опять на него, и не стал ничего спрашивать. Только сунул сигарету обратно в пачку.

— Как скажешь. Я в машине.

Он поднялся обратно. Вошёл в комнату, а она не сдвинулась с места. Сидела всё в том же углу. Он присел перед ней на корточки, как в первый раз.

— Слушай, — сказал он. — Тебя как зовут?

— Алиса, — сказала она. Голос сел, и получилось хрипло. — Алиса.

— Я Стас, — сказал он и кивнул, будто они познакомились при нормальных обстоятельствах. — Слушай, Алиса. Тебе здесь нельзя оставаться. Те двое вернутся и убьют тебя. — У неё округлились глаза. — Ты вляпалась в нехорошую историю, понимаешь? — Она кивнула.

— Я вызову полицию.

— Вызовешь. А потом что?

Она посмотрела на перевёрнутый стол, на разбитую полку, на свои флешки, раскиданные по полу, и ничего не ответила.

— Несколько дней ты поживёшь в другом месте, — сказал он спокойно. — Пока я не разберусь с этой историей. Собери вещи. Немного только.

Алиса хлопала глазами. В голове было пусто и одновременно слишком шумно, и из всего, что он сказал, она зацепилась только за одно: в другом месте.

— В каком другом месте?

— У меня.

Он встал и протянул ей руку. Она посмотрела на его ладонь, потом на него, потом опять на ладонь, и не взяла.

— Вы меня не знаете. Я вас не знаю, — она мотала головой.

— Понимаю, — он наклонился и взял её за руку сам, легко, не сжимая. — Поэтому ты и сидишь на полу, а я стою. Давай. Собери вещи, потому что через полчаса здесь будет не протолкнуться.

Она встала. Её повело, и он придержал её за локоть, и от этого чужого, тёплого и очень твёрдого прикосновения стало немного легче. Алиса взяла с пола рюкзак. Руки плохо слушались. Она положила в него футболку, другую, джинсы, кофту, зарядку. Посмотрела на разбитую губу в зеркало, висевшее на дверце шкафа, и отвернулась.

Стас ждал у стола. Взгляд у него задержался на её фотографии в рамке, где она стояла на фоне моря, в шортах и белой майке, загорелая, счастливая. Обратил внимание, что она красивая, и сразу же отвёл глаза, свёл брови.

— Готова?

Он шагнул к ней.

Ее трясло. Она оглядела комнату и зарыдала в голос, как в детстве, когда больно и никто не смотрит. Он вздохнул с досадой, и она это услышала, и от этого стало ещё хуже. Стас не любил, когда девушки плачут, он не знал, что с этим делать. А потом он её обнял. Неловко, одной рукой, будто делал это впервые за долгое время. Она вцепилась в него, как в спасательный круг, и уткнулась лицом в грудь, и ревела, а он стоял и не двигался. Он держал её и чувствовал, какая она худенькая под футболкой, и где-то глубоко ему стало не всё равно, что плачет именно она. Захотелось защитить её.

Он отстранил её от себя за плечи:

— Всё? Истерика прошла?

Она кивнула, всхлипывая, вытирая лицо ладонью и размазывая по щеке кровь. Он взял с дивана её же майку и вытер

ей лицо. Она стояла и давала это делать, как ребёнок. Потом они вышли. Он придержал дверь, а она вдруг остановилась.

— Ой. Я свет не выключила.

— Что?

— Свет, — она уже развернулась и побежала обратно. — Свет же горит, он всю ночь будет гореть.

Он усмехнулся, глядя, как она щёлкает выключателями в прихожей, потом в комнате, в ванной. Её чуть не убили в этой квартире, а она думает о лампочке.

Матвей ждал во дворе в машине. Увидев их, он молча открыл заднюю дверь.

Алиса села. Кожаное сиденье оказалось холодным, и в машине пахло кофе, деревом, парфюмом. Стас сел впереди, и Матвей завёл двигатель.

— А куда мы едем? — спросила она, глядя в затылок Стаса.

— Ко мне в гости, — ответил он.

Половина её хотела открыть дверь и выйти на первом светофоре, потому что этого мужчину она не знала, и то, что он поднялся в квартиру и спас ее от тех двух ужасных мужиков, ничего не говорило о том, что он собирается сделать с ней один на один. Другая половина, та, которая уже была бита и устала, смотрела на его руку на подлокотнике и ощущала защиту.

Глава 2

Алиса смотрела в окно машины. Мелькали фонари, дома, светофоры. Веки у неё тяжелели, тело расслабилось после жуткого напряжения, и Алиса уснула.

Стас завез Матвея, они попрощались. Стас посмотрел на спящую Алису и накрыл её курткой, которая лежала на заднем сиденье.

Город в это время был уже не ночной, а какой-то межсуточный: светофоры щёлкали на пустые перекрёстки, у магазинов стояли машины, которые мыли к утру, и один раз дорогу перешла женщина с собакой, не обратив на них никакого внимания.

Он ехал и думал, зачем везёт её с собой. У него столько дел, семья, ответственность за клан, ему совершенно не до неё. Он хотел объяснить себе, зачем вернулся в ту квартиру. Матвей прав: всех не спасёшь, и правило это хорошее, проверенное. Он мог помочь снять другую квартиру, но это не гарантировало ей безопасность. Только рядом с ним сейчас она в безопасности.

Дом вынырнул из темноты сразу, за поворотом: три этажа, большие окна, дорожки вдоль деревьев подсвечены, и кусты стриженые так ровно, что казались вырезанными из бумаги. За забором темнел сад. Он остановился у крыльца. Стрелки на приборной панели показывали без десяти два, за оградой

небо уже чуть отходило от чёрного. В зеркале заднего вида он увидел её лицо. Она спала с приоткрытым ртом, на губе запеклась кровь, щека красная и опухшая. Он смотрел дольше, чем должен, и поймал себя на мысли, что будить её не хочется.

Из тени у ворот вышел охранник и подошёл к машине. Стас приоткрыл дверь, молча показал ему на заднюю и приложил палец к губам. Тот кивнул, закрыл дверь тихо, почти беззвучно, и отошёл.

Она не проснулась и тогда, когда он взял ее на руки. Голова откинулась, рука повисла. Она была легче, чем можно было ожидать, и от этой лёгкости в нём поднялась злость на тех двоих, которые сделали ей больно.

В доме было тихо, все спали. Он поднялся наверх, толкнул дверь плечом и положил её на свою кровать, на правую сторону. Потом спустился на кухню, зажёг свет над плитой. Аптечка лежала в нижнем шкафу, там же, где всегда. Он налил чай и пришёл обратно в комнату. Вытащил из шкафа свою футболку и присел рядом с ней. Стас намочил салфетку какой-то жидкостью из аптечки и приложил к её губе. Она открыла глаза.

— Тихо, — сказал он. — Всё хорошо. Я только губу.

Она смотрела на него мутно, будто сквозь сон, и на секунду ему показалось, что она сейчас заплачет снова. Но она только выдохнула и закрыла глаза. Салфетка была холодная, с резким запахом, и она дёрнулась.

— Больно?

— Нет, — голос у неё был охрипший.

Он держал её лицо за подбородок, поворачивал так, как ему было нужно, и делал всё быстро, но не грубо, и на секунду, поймав её взгляд, подумал, что ей, наверное, страшно от того, как это со стороны смотрится: чужой дом, чужая кровать, мужчина с салфеткой.

— Держи, — он подал ей футболку. — Переоденься.

Она села. Её повело, и он придержал её за плечо. Потом отвернулся к окну, смотрел на подсвеченную дорожку и слышал за спиной шорох ткани.

— Готово, — сказала она тихо.

Футболка была ей велика, до колен, и в ней она стала ещё меньше. Он дал ей чай. Алиса взяла кружку двумя руками, как берут в детстве, отпила два глотка и вернула.

— Зачем вы это делаете? — спросила она.

Он не ответил. Не потому, что не хотел, а потому что не было короткого ответа: никакого «зачем» у него уже не было, было только «потому что не мог иначе», а это не то, что он может сказать вслух. Он выдавил на палец мазь, прикоснулся к её скуле, потом к губе.

— Спи.

Стас щёлкнул светильником и вышел в ванную. Светало.

Он закрыл за собой дверь ванной и наконец остался один. В зеркале отразился человек, которого он хорошо знал и который ему не нравился: помятая водолазка, разбитая ко-

стяшка, тень под глазами. Он снял водолазку, потом брюки, встал под душ и долго стоял, не двигаясь, с закрытыми глазами, пока горячая вода не начала смывать с него эту ночь. Думать под водой было проще. Думать о том, что делать дальше. Он забрал в дом чужого человека. Не друга, не родню, не кого-то, за кого отвечает клан. Женщину, которую увидел два часа назад и которая теперь спит в его кровати, а завтра проснётся и спросит то же, что спросила ночью.

Полотенце было жёстким. Он вытерся, натянул другую футболку и шорты, вернулся в комнату и сел в кресло у окна.

За стеклом уже почти рассвело, дорожка светилась, и на ней стояла птица, которая не спала так же, как он. Он посмотрел на Алису. Она спала на боку, обняв подушку.

Зачем он её забрал? Тётя скажет утром, и она будет права по-своему, потому что чужие в этом доме — это всегда риск. Он встал, взял с пола её рюкзак. Внутри — одежда, зарядка, кошелёк и паспорт. Он открыл его: Алиса Крайнова, двадцать четыре года, прописка в области, город, который он знал только по названию. На фото она с прямыми волосами и с тем самым лицом, которое было на снимке у моря, счастливое и ещё не тронутое ничем. Он сфотографировал страницу на телефон и отправил своему человеку, тому, кто занимался такими вещами: «Найди всё, что есть. К утру». Потом вернул паспорт на место, застегнул рюкзак и поставил у стены.

Стас лёг с другой стороны кровати, накрывшись пледом,

не сняв футболку. Это оказалось непривычно до смешного: чтобы в его постели спала девушка и просто спала. Он лежал на спине и смотрел в потолок, и засыпал тяжело, как засыпают люди, у которых в голове слишком много задач и мыслей.

Утром Алиса проснулась, хотела повернуться и поняла, что болело всё. Сначала она поняла только это: плечо, скула, губа, рёбра с одной стороны, будто её кто-то долго и старательно мял. Потом поняла, что потолок не её. Что свет падает не так. Что простыни пахнут чужим. Она повернулась и увидела его. Он спал на спине, на самом краю, повернув голову в её сторону. Тёмно-русые волосы коротко стрижены, подбородок тяжёлый, линия челюсти резкая, мужественная. Плед сполз, и было видно плечо, руку, спокойную тяжёлую ладонь поверх одеяла. Алиса засмотрелась. Она подмечала, что он красивый, но запрещала себе придумывать: вчера её чуть не убили, а она лежит и разглядывает своего спасителя. А спаситель ли он? Ведь она не знает, что ему от неё нужно. Она отвернулась и тихо выдохнула. Потом села. Комната поплыла. Она подождала, пока пройдёт, и пошла в ванную.

Зеркало было большое, в полстены, и в нём отразилась помятая девушка. Подтёк на губе запёкся тёмной полосой, щека распухла, белки красные, как у человека, который долго не спал, и волосы спутались. Футболка — чужая, серая, почти до колен, но такая мягкая.

На секунду вернулось всё: чужие руки в её квартире, запах чужой одежды, ладонь на груди, «мы с тобой повеселим-

ся». Она зажмурилась и держалась за раковину, пока не отпустило.

Включила воду и встала под душ. Вода была хорошая, горячая, и в ней можно было стоять и расслабиться. Алиса простояла долго, пока кожа не покраснела. Потом вытерлась жёстким полотенцем, обмоталась им и вспомнила, что чистое осталось в рюкзаке в комнате.

Она приоткрыла дверь. Он уже стоял у окна, спиной к ней, в футболке и домашних штанах, и смотрел в сад. Услышал, обернулся. Алиса почувствовала, как от шеи к лицу пошла краска.

— Я возьму рюкзак, — сказала она, глядя мимо него. — Переодеться.

Он кивнул.

— Как ты?

— Бывало и лучше.

Он слегка улыбнулся. Алиса быстро забрала рюкзак и ушла в ванную. Джинсы пришлось натягивать осторожно, и всё равно было больно там, где её держали. Футболка, кофта. Волосы она собрала руками, потому что расчёски не было. Когда вышла, он тоже переоделся: рубашка, тёмные брюки. Алиса подошла и остановилась в двух шагах от него.

— Я сейчас в растерянности. Не понимаю, как себя вести, что говорить, — сказала она наконец. — Сейчас. Здесь. Ещё вчера я и не задумывалась о безопасности, а сегодня я...

Она не договорила, потому что дальше начиналось то, для

чего у неё не было слов.

— Мы об этом поговорим, — сказал он. — Обязательно. А сейчас на завтрак, — он сделал паузу. — Тётя не любит, когда кто-то пропускает завтрак.

Алиса кивнула. Потом, сама не ожидая, шагнула ближе.

— Спасибо, — сказала она тихо. — За то, что вы вчера пришли.

Она смотрела ему в глаза, и он смотрел в ответ, и что-то у него внутри встрепенулось, хотя она всего лишь сказала спасибо. Он молчал. Алиса ждала, что он скажет что-нибудь на её спасибо.

— Пошли, — сказал он.

Она пошла за ним и по дороге подумала, что он, кажется, совсем не разговорчивый. И совсем не эмоциональный. И что рядом с таким человеком очень легко почувствовать себя лишней.

Спускаться было страшнее, чем ехать ночью в чужой машине. Пока они шли по коридору, Алиса думала, какие люди её ждут там и как к ней отнесутся. Лестница была широкой, с деревянными перилами, и вела в холл, где пахло кофе и горячим хлебом. В просторной гостиной за длинным столом сидели трое: женщина лет пятидесяти, строгой внешности; девушка с длинными тёмными волосами, симпатичная; и молодой человек в белой рубашке, сидевший вполоборота, с чашкой в руке.

Все трое подняли головы одновременно.

Алиса почувствовала, как её рассматривают, и внутри все замирало. Взгляды прошли по её лицу, задержались на щеке, на губе, спустились к джинсам. Ей захотелось спрятаться.

— Доброе утро, — сказал Стас.

Голос у него был спокойный и сильный.

— Это Алиса. Она поживёт у нас несколько дней. — Женщина подняла бровь. — Алиса попала в переделку, — продолжал он. — Не по своей вине. Люди Тимура постарались.

За столом никто не шевельнулся, но вопросы витали в воздухе. Алиса не знала, кто такой Тимур и почему это имя действует на всех, как удар по столу, но именно в эту секунду она впервые подумала: а ведь то, что с ней случилось, — не просто пьяная драка. Это чья-то война, и она в неё влезла случайно.

— Для всех остальных, — сказал Стас, — она наша дальняя родственница. Приехала на несколько дней.

Девушка за столом посмотрела на Алису иначе, чем остальные: не оценивающе, а жалостливо.

— Я Вика, — сказала она. — Сестра Стаса. Садись рядом.

Она похлопала по стулу возле себя, и в её голосе было столько обычного, человеческого, что Алиса тихо выдохнула.

— Надежда Сергеевна, — сказал Стас и кивнул на тётю. — А это Игорь, её сын.

Молодой человек отставил чашку и улыбнулся.

— Привет, — сказал он просто и приветливо.

Улыбка у него была лёгкая, широкая. И сам он очень симпатичный, черноволосый, рослый молодой мужчина.

Она села рядом с Викой. Стас обошёл стол и сел с другой стороны, рядом с тётей.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Надежда Сергеевна, и в её голосе была ровно та мера участия, которая не обязывает ни к чему. — Врача не нужно?

— Не нужно, спасибо.

— Уверена? У нас есть человек, он приезжает, когда надо.

— Уверена. — Алиса опустила глаза. — Это просто... — Она не нашла слова и сказала: — Пройдёт.

Алиса осторожно огляделась. Гостиная была большая, светлая, с окнами в пол, и за этими окнами был бассейн: вода в нём казалась голубой. Дальше — стриженая трава, дорожка, деревья. Мебель была дорогая, современная: на диване лежал чей-то плед, на столике книга. У центральной стены огромный камин и диваны вокруг него. Сразу было видно: здесь живут очень состоятельные люди.

У людей, которые живут в таких домах, деньги не появляются из воздуха. Она вспомнила вчерашних двоих в её квартире, слова «люди Тимура», разбитую руку Матвея и то, как спокойно этот человек пересчитал чужие зубы. Красивые окна, ровная вода в бассейне, и за всем этим — сила, которая умеет делать больно. Вопросов у неё было много.

— А сколько тебе лет? — спросила Вика, подперев подбородок рукой.

— Двадцать четыре.

— А ты чем занимаешься?

Алиса на секунду замолчала.

— Вчера меня уволили, — сказала она немного с грустью. — Так что я в поиске. Я экономист.

Вика улыбнулась, и Алиса, сама не ожидая, улыбнулась в ответ.

Игорь отставил чашку.

— Экономист — это хорошо, — сказал он. — У нас тут не все умеют считать. Стас считает людей лучше, чем деньги.

— Игорь, — сказала Надежда Сергеевна, не поднимая глаз.

— Что? Это комплимент.

Стас не ответил, только посмотрел на него, и Игорь посмотрел в ответ — спокойно, без вызова, как человек, которому нечего бояться в этом доме.

У тёти, Алиса это видела, тоже было много вопросов.

— После завтрака зайдёшь ко мне, — сказала Надежда Сергеевна Стасу. — Поговорим.

Это было не приглашение.

Служанка, женщина лет сорока в переднике, обошла стол с кофейником.

Алиса взяла чашку, добавила молока, потом вспомнила, что не положила сахар, и добавила. Отпила и на секунду прикрыла глаза: горячий, сладкий кофе, и от этого простого ощущения во рту стало хорошо. Она радовалась, как ребё-

нок. Стас наблюдал за ней с любопытством. «Какая она забавная», — подумал он.

Глава 3

Стас пропустил тётю вперёд и закрыл дверь кабинета. Надежда Сергеевна села в кресло у стола, одёрнула юбку и положила руки на подлокотники.

Стас обошёл стол, сел и достал из кармана флешку. Серебристый корпус щёлкнул, разъём вышел из паза. Он вставил её в ноутбук и посмотрел на тётю. Она сидела с обеспокоенным видом. Файлы открывались один за другим: сканы, номера счётов, даты, фамилии, фотографии, снятые, судя по ракурсу, из машины, и лист, где чьей-то аккуратной рукой были сведены суммы. Стас прокручивал их молча.

— Этого хватит, — сказал он наконец. — Чтобы убрать Ибрагимова со сцены.

Надежда Сергеевна выдохнула и улыбнулась одними губами.

— Убрать совсем? — уточнила она.

— Совсем.

Он закрыл ноутбук. Она смотрела на него, приподняв бровь, и он понимал, что она хочет спросить про девушку. Он ее опередил.

— Посыльный Ибрагимова почуял хвост и сунул флешку в рюкзак Алисе. Она поехала домой, а там её уже ждали тимуровские псы. Мы с Матвеем вошли вовремя. Ты сама видела по её лицу, что напугали они её хорошо.

— Вовремя, — повторила тётя. Слово прозвучало как вопрос.

— Когда мы вошли, один уже почти раздел её. — Стас чувствовал, что внутри закипает злость, когда он вспоминал эту картину.

— И поэтому ты привёл её сюда?

— Я так решил. И это не обсуждается.

Надежда Сергеевна прищурила глаза, и взгляд у неё стал хитрым, как будто она знала то, в чём он сам ещё себе не признался.

— Ладно. Надолго?

— Пока не разберусь, — сказал он чётко и посмотрел ей в глаза своим уверенным взглядом.

Она не стала спорить. Дальше говорили о делах: о поставке, которая вторую неделю стояла на таможне, о верфи. Стас отвечал коротко, не посвящая её в тонкости. Всего тёте знать не нужно.

— И что ты с этим будешь делать? — спросила тётя, кивнув на закрытый ноутбук.

— Пока придержу. Есть мысли, но нужно подождать. Скоро большой совет, и это наше огромное преимущество.

— Придержишь, — сказала она, и в голосе мелькнуло что-то похожее на беспокойство. — Такие вещи нельзя долго держать в руках.

— Ни о флешке, ни о том, как эта девушка у нас оказалась, никто не знает, — сказал он. — И знать не должен. Даже

Ларион.

Надежда Сергеевна удивилась:

— Ты что, не доверяешь Лариону?

— Доверяю, но пока так нужно.

Она выпрямилась в кресле и развела руками.

— Я ему доверяю полностью. Он давно с нами, он друг семьи, и твой дядя доверял ему. Он хочет выдать за тебя свою единственную дочь! Он проверенный человек, Стас.

— Я тоже доверяю, — сказал Стас. — Но больше, чем себе, я не доверяю никому.

Она помолчала, взвешивая, довольно ли ей такого ответа, и в конце концов решила, что довольно.

— А этой Алисе можно доверять? — она снова посмотрела с хитрым прищуром.

— Она будет знать ровно столько, сколько нужно.

Тётя встала, поправила причёску и у двери обернулась, будто хотела сказать что-то ещё, но передумала.

Стас ещё раз пролистал файлы, убеждаясь, что у него в руках сильное оружие, но его хотят заполучить все.

Зазвонил телефон. Он ответил, не отводя взгляда от экрана ноутбука:

— Слушаю.

— По твоей девушке, — сказал человек на другом конце. Голос у него был сухой и ровный, как у диктора, читающего расписание. — Университет закончила, экономист. С последнего места уволилась вчера. Точнее, уволили.

— Кто?

— Сын директора. У них была связь. Потом она его банально застукала с другой, он пошёл к отцу, и её уволили одним днём.

— Дальше.

— Квартиру снимает, платит вовремя. Кредитов и долгов нет. Родители в пригороде. С отцом не общается, он её выставил после школы. С матерью созванивается. Младший брат, школьник. Две подруги, обе не по нашей части.

— Проверял?

— Проверял. Звонки чистые, ни одного подозрительного.

— Хорошо, — сказал Стас. — Молодец.

Он положил телефон на стол и подумал: значит, вот о чём она плакала в баре. И изменил, и уволил. Стас вздохнул и развернулся в кресле к окну. «Девушка и правда оказалась ни при чём. Просто стояла в баре рядом с человеком, которому некуда было деть чужую флешку, и в этом была какая-то простая и дурацкая случайность: людям вроде неё достаётся за чужие дела, потому что они просто оказались рядом.»

Потом Стас вынул флешку из ноутбука, подошёл к стене и повернул светильник. Панель отошла без звука и открыла узкую нишу. Тайник этот делал дядя, и Стас не менял в нём ничего. Флешка легла в нишу, к папке с бумагами, которых там почти не осталось, и панель встала на место.

У окна он остановился и увидел на улице, как Вика водила Алису по территории, показывала рукой куда-то за бас-

сейн, к саду. Алиса кивала и вертела головой во все стороны. Потом присела, сняла кроссовки и поставила их рядышком на дорожку. Стас сдвинул брови. Она вступила на газон осторожно, будто пробуя воду в незнакомой реке, сделала несколько шагов и остановилась, запрокинув голову. В её позе было столько детского восторга, что он не сразу понял, чему она радуется. А когда понял, у него дрогнул уголок рта. Траве. Она радовалась скошенной траве.

— Странная девчонка, — сказал Стас вслух.

— Вот, — сказала Вика и толкнула дверь. — Тут твоя комната.

Алиса остановилась на пороге.

Комната оказалась небольшая, но дизайн был словно с картинки: широкая кровать с двумя толстыми подушками, две стильные и необычные тумбочки, кресло с туалетным столиком, шкаф во всю стену и своя ванная комната. Все в бежево-шоколадных тонах, ни одной лишней вещи, всё на своих местах. Окно с балконом напротив бассейна.

Алиса приоткрыла рот от изумления.

— Тут очень красиво.

— Да. У тёти хороший вкус, — сказала Вика. — Она всё в доме выбирала сама.

Алиса села на край кровати. Внутри у неё всё ещё сидела та ночь. Каждый раз, когда она оказывалась в новой комнате, тело ждало, что из-за шкафа кто-то шагнёт, и ей приходилось напоминать себе: здесь никого нет, не опасно.

На туалетном столике стоял флакон с тяжёлой гранёной пробкой. Алиса взяла его, прыснула рядом с собой пару раз и понюхала. Запах ударил в нос: цветы, много цветов, слишком много, и ещё что-то терпкое. Алиса поморщилась. И в ту же секунду поморщилась Вика. Она прикрыла рот ладонью, и лицо у неё стало бледным. Она вышла в ванную, прикрыв за собой дверь, и оттуда зашумела вода.

Алиса поставила флакон на место.

— Прости, — сказала она в сторону ванной. — Я не знала, что тут нельзя ничего трогать.

Вика вышла через минуту, уже снова обычная, только бледнее, чем была.

— Да нет, трогай, конечно, — сказала она. — Это я не выношу резкие запахи. У меня от них сразу... — она повела рукой, — ...мутит.

— А, — сказала Алиса.

Она подумала, что на такое обычно говорят «беременность?» в шутку, но Вика не шутила и смотрела чуть виновато, и Алиса решила, что расспрашивать не будет. У каждого свои заморочки.

Алиса, смотря на Вику, думала, что эта девочка милая и, кажется, добрая.

— А у тебя парень есть? — спросила Вика, присев на кровать.

— Был, — сказала Алиса.

— В смысле был?

— В смысле ещё пару дней назад был. Изменил, а потом уволил. — Алиса грустно усмехнулась.

Вика округлила глаза. В её лице было столько искреннего возмущения.

— Как так можно?!

— Он оказался совсем не принцем.

— И что, вот так просто взял и уволил?

— У него папа директор, — сказала Алиса. — Я ему стала неудобна на работе.

Вика покачала головой и сказала ещё что-то про то, какие бывают люди, а Алиса внутри себя удивлялась, насколько искренне эта девочка сопереживает ей.

Алиса вздохнула и поджала губы.

— Это мне уроком будет, — сказала она вслух. — В следующий раз буду смотреть в оба.

Уроки она всю жизнь усваивала неважно. Но этот, кажется, дошёл с первого раза.

— А у тебя кто-нибудь есть? — спросила теперь Алиса.

— Нет, — сказала Вика.

Она сказала быстро, слишком быстро, и глаза у неё при этом сделались такими, будто она думала о чём-то запретном и радостном одновременно. Алиса не стала переспрашивать, но поняла: кто-то есть.

В гостиной стоял Матвей в чёрных брюках и рубашке с расстёгнутым воротом. Рука у него была перебинтована.

Алиса увидела его лицо, и ночь снова прокрутилась в го-

лове: чужие руки на плечах, ладонь на груди, вкус крови на разбитой губе, чужой ужасный запах. Она остановилась на середине шага и заставила себя выдохнуть.

— Привет, — сказал Матвей. — Как ты?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Наверное, хорошо. В данных обстоятельствах.

Он улыбнулся, а она вспомнила почему-то, как он ночью вытирал кровь с руки о джинсы.

— Главное, все живы и здоровы. Губа заживёт. А воспоминания размоются, они всегда размываются, — бодро сказал он.

Алиса кивнула и опустила глаза. Ей было не по себе от его спокойного голоса. Он говорил так, будто то, что случилось ночью, было обычной неприятностью, вроде проколотого колеса, а она всё ещё носила это в себе и не понимала, что с этим теперь делать. Она поймала себя на том, что думает о квартире. Обои в прихожей, выключатель, который надо было починить ещё в прошлом месяце. Сможет ли она туда вернуться? И когда перестанет вздрагивать, если ночью в подъезде хлопнет дверь? Ответов не было, и от этого к горлу подкатил комок.

В холле появился Стас с ключами в руке. Он посмотрел на Алису и понял по её глазам, что она хочет спросить.

— Мы поговорим вечером, — сказал он спокойно и невозмутимо.

— Хорошо.

— Пока, — сказала Вика. — Пока, Матвей.

Мужчины ушли. Дверь закрылась, и в доме стало тихо.

— Пойдём к бассейну? — предложила Вика. — Пока солнце.

— Мне не в чем, — сказала Алиса. — Я лучше в теньке посижу.

Вика улыбнулась и взяла её за руку.

— Сейчас дам что надеть. У меня есть новый купальник, ни разу не надевала. Это не проблема, — сказала она и, увидев, что Алиса собирается возражать, добавила: — Правда. Пойдём.

Алиса послушно пошла за ней. Думала она при этом, что у неё самой не то что лишнего нового купальника нет, у неё вообще один, и тот далеко не новый.

У открытого шкафа Вика вытаскивала вещи, которые могли подойти Алисе, и на кровати росла горка. Между делом она вынула короткую майку.

— Вот, — сказала она. — Тебе подойдёт. А мне теперь не нужно.

— Почему? — спросила Алиса, подняв бровь.

Вика смутилась:

— Да просто не к чему надеть.

Вика положила майку на кровать, и Алиса посмотрела, во что та одета: широкая футболка с рюшами. Она подумала, что такие свободные вещи не вписываются в гардероб, который Вика вытрясала.

— Я не могу это взять, — сказала Алиса, глядя на горку.

— Ещё как можешь. Тебе же нужно что-то носить. Я видела твой рюкзак, туда ничего не поместится.

Алиса взяла, и скоро она сидела у бассейна, в тени навеса, в чужом купальнике, накрытая чужим полотенцем. Вика не плавала, а просто сидела под зонтом в закрытом купальнике и парео. Алиса решила искупаться и вошла в воду. Вода нежно обволакивала, и она провела руками по воде, улыбнулась. При других обстоятельствах она была бы абсолютно счастлива оказаться в таком красивом месте. Алиса поплыла. Она сделала несколько кругов, пытаясь растворить в воде ужасные воспоминания.

Через полчаса она поднялась к себе. Положила вещи в шкаф, села на кровать и только там, в тишине, смогла расслабиться. Голова была тяжёлая, губа ныла при каждом движении, и слёзы подступили сразу. Она уткнулась в ладони и тихо заплакала, чтобы не услышали. «Как же меня угораздило вляпаться в это, — думала она. — Почему именно я?»

Слёзы шли и шли, глаза уже опухли. Потом она вытерла лицо, выпрямила спину и осмотрелась: шкаф, окно, балкон, вода в бассейне. Вдохнула, выдохнула.

— Скорее всего, я тут в безопасности, — сказала она себе тихо. — А что делать дальше, я обязательно решу. Всё будет хорошо.

Она ещё посидела немного, слушала, как в саду где-то вдали косят траву, и думала о сегодняшнем разговоре со

Стасом. Что он ей скажет?

Глава 4

Вечером Алиса услышала внизу голоса. В доме всегда было тихо, а тут сразу несколько мужских голосов, громких, будто внизу бурно что-то обсуждали.

Она вышла из комнаты и спустилась на полпролёта. Отсюда гостиная просматривалась почти целиком: длинный стол, диваны вокруг камина, окна в пол, за которыми уже светились дорожки. Саму Алису за поворотом лестницы не было видно. Она положила руки на перила и замерла.

Внизу были Стас с Матвеем, ещё какой-то мужчина лет пятидесяти, полноватый, в расстёгнутой куртке, и ещё один, немолодой, стоявший спиной к лестнице. Все говорили разом, кроме Стаса, перебивая друг друга. Из боковой двери вышла Надежда Сергеевна, и все затихли. Она поздоровалась со всеми, и они пошли в кабинет.

Алисе стало очень любопытно: может, эти разговоры связаны с ней? Вдруг это из-за вчерашней ночи, из-за флешки, из-за тех двоих.

Она спустилась тихо, осторожно переступая ступени. Коридор был пуст. Алиса подошла к кабинету и прислушалась. Рядом с кабинетом в стене была ниша, в которой стояла высокая ваза с сухими ветками; если кто-то выйдет, в ней можно было укрыться, — подумала она.

В кабинете Стас стоял у окна, спиной ко всем. Надежда

Сергеевна сидела в его кресле. В другом кресле, напротив стола, устроился Ларион Романович: высокий, сухой, в дорогом костюме без галстука, ухоженные руки на подлокотниках. На маленьком диване сидели Матвей и Игнат, помощник покойного дяди Стаса, человек, который участвовал во всех важных делах клана и пережил со всеми немало побед и поражений.

— Тимур совсем обнаглел, — говорил Ларион. — Это надо прекращать, Стас. Он скоро внаглую приедет прямо сюда!

— Почерк не его, — сказал Игнат. Голос у него был ровный и сухой, как у человека, который знает цену словам.

Игнат был рассудительный и мудрый. Он всегда был очень предан семье Стаса Власова. С его дядей Игнат вместе служили, потом вместе попали в тюрьму и ещё много чего вместе прошли.

— Игнат, дорогой, — Ларион повернулся к нему всем корпусом, — я тебя очень уважаю, ты же знаешь. Но год назад мы тоже говорили, что это не его почерк. А потом искали контейнеры, которые он у нас под носом переправил.

— Тогда всё понятно было. Это ответ за его человека был, — сказал Игнат.

Надежда Сергеевна выпрямилась в кресле.

— Ответить надо, Стас, — сказала она. — Кто бы это ни был. Иначе на совете нас не поймут.

Все замолчали. Стас стоял спиной к комнате.

— Стас, — сказала тётя, — где ты витаешь?

Он обернулся. Лицо у него было спокойное.

— Груз, который перенаправили, им не достанется, — сказал он. — Кем бы они ни были.

Ларион удивился. Это было видно по тому, как он подался вперёд и поправил часы на запястье, будто ему стало тесно в кресле.

— Что ты сделал? — спросил Ларион.

— Не волнуйся, Ларион, всё, что нужно.

— Это общее дело, — сказал Ларион, уже выходя из себя. — У нас не должно быть секретов друг от друга. Мы уже это не раз обсуждали. Мы в одной лодке. А если один гребёт туда, а второй не знает, то пустое дело выходит. — Ларион развёл руками.

Стас усмехнулся.

— Не беспокойся. Потери будут. Но не такие большие, как задумал тот, кто это затеял. И я скоро узнаю, кто это.

Матвей молчал. Про метки в этой комнате знали трое, и он знал про них больше всех: знал, что будет, когда вагоны остановятся в пустой зоне и приедут те, кто будет их встречать.

— Я чувствовал подставу, — сказал Стас. — Все вагоны снабжены маячками. Часть — устройствами самоуничтожения.

Ларион сокрушённо покачал головой. На лице у него было недовольство.

— Ты снова принял решение, не посоветовавшись, — он

вздохнул. — Стас, ну сколько можно?

— Я так решил, — сказал Стас, как отрубил.

В коридоре послышались шаги. Алиса юркнула в нишу и вжалась в стену, вдыхая запах пыли и сухих веток. Мимо, не поворачивая головы, прошёл Игорь и скрылся за дверью кабинета.

Прошло мгновение, и дверь открылась снова. Вышел Ларион, отошёл к окну в конце коридора и приложил телефон к уху.

— Это я, — сказал он тихо. Голос у него был совсем другой: сухой и быстрый. — Отмените всё. Быстро. Пусть связываются с ними, как хотят. Да. Сейчас.

Он замолчал, потом выругался сквозь зубы и вернулся в кабинет.

Алиса стояла за вазой и слышала, как стучит собственное сердце. Этот мужчина был какой-то странный. «И почему он говорил по телефону не при всех? Может, он плохой?» — подумала она. От его голоса у неё осталось какое-то неприятное чувство. Алиса решила не рисковать и вернуться в комнату.

Злилась она уже на лестнице. Целый день прошёл впустую: она ждала малознакомого мужчину в чужом доме, а могла бы с утра сесть за ноутбук и вплотную заняться поисками работы. Если бы не вчерашняя ночь, у неё был бы обычный, скучный, но прекрасный день. Конечно, она понимала, что здесь хорошо: еда, комната, бассейн, Вика, которая

её развлекала. Но это был чужой дом и чужие люди.

Проходя мимо комнаты Вики, она услышала странные звуки: будто кто-то давится или плачет. Алиса остановилась. Постучала.

— Вика? — она приоткрыла дверь.

Вика сидела на кровати с телефоном в руках и смотрела на неё так испуганно, будто её поймали за чем-то запретным. Глаза были красные, и она даже не успела сделать вид, что всё в порядке.

— Что с тобой? — Алиса вошла и присела рядом на край кровати.

— Всё нормально, — Вика торопливо погасила экран, но Алиса успела заметить слово и картинку сверху.

Она взяла её за плечо. Вика дёрнулась, телефон качнулся, и страница открылась снова: заголовок про прерывание беременности. Алиса взяла Вику за подбородок, повернула к себе и посмотрела в глаза.

— Ты беременна?

Вика зарыдала. Не тихо, как плачут воспитанные девочки, а с воем, который она изо всех сил пыталась задавить рукой, чтобы не услышали в доме. Алиса обняла её и притянула к себе, погладила по плечу, по волосам. Сквозь тонкую футболку чувствовалось, как Вику трясёт мелкой дрожью.

— Тише, — Алиса говорила шёпотом. — Ну чего ты. Успокойся.

Вика отстранилась. Лицо у неё было мокрое, глаза огром-

ные, и в них стоял такой страх, что Алиса невольно оглянулась на дверь.

— Не рассказывай никому, пожалуйста! — умоляла Вика.

— Ладно, ладно. Только успокойся, — сказала Алиса. — Правда. Обещаю.

— Ты не понимаешь, — Вика вытерла лицо ладонью. — Если узнают, всё будет очень плохо. Просто... просто пообещай ещё раз.

— Обещаю. — Алиса помолчала. — Почему ты не хочешь сказать тёте? Или Стасу?

Вика посмотрела на неё, и в глазах страх стал ещё больше.

— Ты что! Нельзя.

— Почему? — Алиса запнулась. — Ну поругают немного.

— Не в этом дело, — Вика сглотнула. — Ты не знаешь моего брата. Когда он узнаёт, начнётся ужас.

Алиса посмотрела на неё и подумала: неужели Стас такой злой, что не пожалеет собственную сестру. После того как он её спас, уложил в свою кровать и обработал губу, ей не верилось, что он сможет причинить вред сестре.

— А отец ребёнка? — спросила она тихо. — Он знает?

Вика замотала головой.

— Нет. И лучше ему не знать.

— Почему?

— Потому что он тогда натворит глупостей, — Вика всхлипнула. — Его убьют.

Алиса опешила. Она сидела на чужой кровати в чужом

доме, рядом с девятнадцатилетней девочкой, и слушала про то, как за беременность могут убить человека. Хотя чему она удивлялась: ночью её хотели убить за флешку. За окном было тихо, в саду светились дорожки, и поднялся ветер, как будто скоро начнётся гроза.

«Как же у вас тут всё сложно», — подумала она и чуть не сказала это вслух, но сдержалась: Вике сейчас было не до её впечатлений.

— Два месяца, — сказала Вика. — Я посчитала. Может, лучше сразу сделать, а? — Она показала подбородком на телефон. — Пока никто не знает. Я читала, что не больно.

— А ты хочешь ребёнка? — спросила Алиса.

Вика молчала, и её лицо опять сморщилось. Потом она кивнула и заплакала, и в этом кивке было столько всего, что Алиса не стала ничего уточнять.

— Тогда надо рожать, — сказала она. — Если хочешь, значит, надо. И перестань бояться. Ты слышишь? Нервничать вредно, тебе сейчас вообще нельзя так трястись.

— А если...

— Рожать, — повторила Алиса, и сама удивилась, до чего твёрдо это прозвучало. — А с остальным разберёмся. Я помогу.

Вика посмотрела на неё, и в глазах у неё был страх и надежда.

— Поможешь?

— Помогу, — Алиса кивнула.

Вика бросилась её обнимать, снова заплакала, уже по-другому, и заговорила быстро, глотая слова: у неё есть врач, знакомый, он принимает в клинике на другой стороне города, но если кто-нибудь из дома узнает, что к врачу надо ей, всё поймут сразу, потому что она никогда не болеет и никогда не ездит одна.

— Я что-нибудь придумаю, — сказала Алиса. — Записывайся на завтра.

Вика вытерла лицо и слабо улыбнулась, и улыбка эта была первой весёлой за весь вечер.

Позже у себя в комнате Алиса села на кровать и выдохнула так, будто целый день тащила на себе мешок. За пару дней в её жизни случилось больше, чем, наверное, за всю жизнь: отношения, измена, предательство, увольнение, нападение, чужой дом, чужие люди и девушка, которая только что открыла ей свою тайну. И ещё он. Стас, от которого исходило столько силы и уверенности, что рядом с ним ей хотелось быть и бежать от него одновременно.

Она посмотрела на часы, потом на дверь. Встала и вышла в коридор. Постучала и, не дожидаясь ответа, вошла. Он стоял посреди комнаты с голым торсом, видимо, только что вышел из душа. Алиса растерялась, приоткрыла рот, опустила глаза и поправила волосы за ухо. Он молча достал из шкафа чистую чёрную футболку и медленно надел.

Она старалась не смотреть. Получалось плохо. То, что она уже увидела, сбивало её с толку: широкие плечи, татуиров-

ка на руке, сексуальные изгибы его голого тела. Стас, несомненно, почувствовал её смущение, но виду не подал.

— Я понимаю, что у тебя напряжённый день и всё такое, — Алиса старалась говорить ровно. — Но я хотела бы поговорить. Чтобы понять, что происходит.

Он кивнул ей на кровать. Она подошла и села на край, сложив руки на коленях.

— Тебе не повезло, — сказал он. — Ты попала в серьёзный замес между кланами.

— Между кланами, — повторила она. Ей даже стало смешно: слово было из тех, что она слышала в дешёвых боевиках. Она фыркнула. Он посмотрел на неё строго, прямо в глаза, и она сделала серьёзный вид.

Он вздохнул. Было видно, что объяснять ей что к чему он совершенно не хочет.

— Смотри. — Он начал объяснять ей, как маленькой. — Вот есть пирог. Целый пирог. Он поделён на части, и каждая часть кому-то принадлежит. Все, кто владеет этими частями, хотят забрать целый. И для этого они подставляют друг друга, воруют, убивают, устраняют соперников. Любыми путями, понимаешь?

Алиса кивнула. В голове у неё был сумбур, но в этом сумбуре уже начинало что-то складываться.

— То есть ты и твоя семья владеете одним куском этого пирога?

— Одним, — сказал он.

Она поняла, что он имеет в виду под пирогом. У него было усталое спокойное лицо, и от этого лица всё, что он говорил, становилось в десять раз страшнее.

— А что теперь будет со мной? — спросила она тихо.

— Главное — не появляйся даже рядом со своей квартирой. — Он сказал это твёрдо, как приказывают. — Пока ты рядом со мной, ты в безопасности. Я разберусь со всем.

Они сидели рядом, и он ощущал её запах.

— Спасибо, — сказала Алиса и дотронулась до его руки.

Его словно пронзило изнутри. От её пальцев по коже пошли мурашки, и он замер, чтобы не сделать лишнего движения. Он посмотрел ей в глаза, как будто собирался что-то сказать. Она тоже смотрела, приоткрыв губы, и ждала, что он скажет. Их лица оказались так близко, что Алиса слышала, как он дышит. Она поняла, что хочет его поцеловать, и тут же заругала себя за это: вчера её чуть не убили, а она думает о поцелуях! Но всё равно смотрела на его губы, и он смотрел то в глаза, то на её приоткрытый рот.

Она быстро встала. Он на секунду закрыл глаза и обрадовался, что она встала, потому что боялся не сдержаться.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной.

Она быстро вышла, закрыла за собой дверь и оперлась на стену спиной. Сердце стучало так, что отдавалось в ушах. Алиса тихо выдохнула, сказала себе: «Алиса, ты с ума сошла? Не придумывай даже!»

Он откинулся на кровать, обхватил голову руками и долго смотрел в потолок. Ему всё ещё казалось, что он чувствует её запах. И ещё он чётко понимал, что ему не нравится то, что он начинает чувствовать к этой девушке.

Глава 5

Утром за длинным столом собрались все, и Алиса сразу поняла, что обстановка напряжённая. Игорь пришёл первым, листал телефон, но даже не шутил. Надежда Сергеевна наливала кофе молча и ставила чашку на блюдце так осторожно, будто боялась звякнуть. Вика ковыряла ложкой творог и не поднимала глаз. Стас появился последним, сел, взглянул на часы и сказал, что они с Игорем уезжают.

— Поешь толком, — сказала Надежда Сергеевна.— Потом.

Он выпил кофе стоя, поставил чашку и вышел. Игорь поднялся за ним, на ходу накинул пиджак, и в столовой стало ещё тише. Хлопнула входная дверь, за окном послышались голоса уходивших к стоянке мужчин.Алиса отпила из своей чашки и решила, что попроситься к врачу нужно именно сейчас.

— Надежда Сергеевна, я могу съездить сегодня к врачу?Тётя замерла с чашкой в руке и посмотрела на неё.

— К врачу?— Я была записана заранее. Мне нужно обязательно пойти: запись за месяц, если пропущу, потом не попаду.

Она не любила врать, но, кажется, делала это неплохо. Тётя перевела взгляд на её щёку, на губу, где подтёк уже подсох

и стянулся тёмной полоской.

— С лицом всё в порядке? — спросила она.

— Всё в порядке, заживает, — сказала Алиса.

Надежда Сергеевна помолчала, и по её лицу было видно, как она взвешивает: с одной стороны, девчонку выпускать из дома не хочется, с другой, если ей нужно к врачу, пусть едет.

— На машине с охраной можно, — сказала она наконец.

Вика всё это время смотрела на Алису, кусая губу.

— Я ещё хотела кое-что купить, у меня с собой ничего нет. Можно Вику со мной взять? Она как раз говорила про магазин. Так быстрее будет.

Ложка в Викиной руке остановилась. Тётя переводила взгляд с одной на другую, и Алиса уже приготовилась к отказу, и у неё были заготовлены ещё аргументы. Но Надежда Сергеевна только вздохнула и махнула рукой:— Езжайте.

Клиника стояла на другой стороне города, в новом доме с большими окнами и вывеской из блестящих букв. Внутри пахло не лекарствами, а кофе и свежестью; в холле сидели женщины с детьми и мужчина в пиджаке, который смотрел в телефон и не поднимал головы. Охранник Вики, молодой парень в куртке, устроился на диванчике у входа. Провожать Вику дальше он не стал: тут, за стеклянными дверями, было тихо и безопасно, как он посчитал.Алиса сидела в коридоре у кабинета и разглядывала всё вокруг. В таких дорогих больницах она ещё не была. Вика скрылась за дверью, и из-за неё не доносилось ни звука. Мимо прошла медсестра с папкой,

где-то зазвенел телефон, в конце коридора открылось окно, и потянуло сквозняком.

Телефон в кармане джинсов завибрировал. Алиса достала его, посмотрела на экран и сначала не поняла: письмо с незнакомого адреса, тема «Приглашение на собеседование». Она открыла. «Алиса, здравствуйте. Мы рассмотрели ваше резюме. Компания Зевс приглашает вас на собеседование по вакансии экономист, удалённая работа сегодня. Удобное время с 13:00 до 16:00, адрес: улица Кирова, 14, четвёртый этаж».Она перечитала два раза. Резюме она выложила вчера, оно было сохранено в телефоне. Удалённая работа была как раз тем, что ей нужно, ведь она не знает, сколько продлится её пребывание в гостях. Алиса посмотрела на часы. До четырёх ещё далеко. Улица Кирова, если она верно помнила, была в двух остановках отсюда.Дверь кабинета открылась.

Вика вышла с улыбкой, и в руке у неё был снимок УЗИ.

— Всё хорошо! — сказала она и села рядом, разворачивая снимок.

— Смотри.На сером пятне, где ничего нельзя было разобрать, светилась белая точка, маленькая, как крупинка соли. — Врач сказал, всё идёт как надо, — Вика говорила быстро. — Срок маленький, но сердечко уже слышно. Он дал послушать, вот тут, — она приложила руку к животу. — Так странно. Как будто часы тикают.

Алиса накрыла её ладонь своей. Вика вдруг всхлипнула, но тут же засмеялась и вытерла глаз.

— Ну чего ты, — сказала Алиса. — Всё же хорошо.

— Я знаю. Я просто боюсь, что теперь будет.

Алиса обняла её, неловко, на стульях, и Вика прижалась к её плечу на секунду, а потом отстранилась и спрятала снимок в сумку. Лицо у неё стало другим, собранным

.— Мне надо встретиться с отцом ребёнка, — сказала она. — Он ждёт рядом.— Рядом?— Тут за углом, в кафе. Мы договорились. — Она умоляюще смотрела на Алису.

Алиса посмотрела в конец коридора, где виднелся холл с диваном и охранником.— Вика, охранник ждёт нас в холле. Как ты мимо него пройдёшь?Вика улыбнулась так, будто её спросили о чём-то глупом.

— Выйду через другой вход. Тут сзади есть дверь для персонала и калитка. Я уже так делала.Она сказала это просто, и Алиса вдруг подумала: ну конечно, как-то же она встречалась с парнем тайком от семьи.

— Сколько ты пробудешь? — спросила Алиса.

— Около часа. Охраннику скажу, что нужно сдать анализы тебе и ещё УЗИ.Алиса снова посмотрела на часы и на телефон, где висело письмо с адресом.

— Тогда так. Я как раз съезжу на собеседование, тут рядом, и вернусь. Встретимся здесь через час. Успеешь?

— Успею, — Вика уже вставала.

По лестнице они спустились на этаж ниже, прошли мимо кабинета с табличкой «Персонал», где пахло мокрой тряпкой и хлоркой, и вышли на задний двор. Здесь было пыльно,

у стены стояли пустые коробки, и в тени тянулся забор. Вика уверенно повела её к калитке, поддела щеколду носком и приоткрыла её. Они проскочили и вышли в переулок.

— Час, — повторила Алиса.

— Час, — кивнула Вика и почти побежала.

Алиса осталась стоять с сумкой на плече посреди переулка. Ветер поднял пыль, где-то за домом просигналила машина. Она ещё раз открыла письмо и проверила адрес. Улица Кирова, 14. Даже ближе, чем она думала.Дом оказался из тех новых, где первый этаж занимают аптека и кофейня, а выше идут офисы. Алиса прошла мимо витрины, толкнула стеклянную дверь и оказалась в прохладном холле с мраморным полом. У лифта висела табличка с перечнем фирм: «Аудит», «Стройпроект», «Зевс» — четвёртый этаж, помещение 412.Лифт поднимался медленно, с мягким гудением, и в зеркале на стене Алиса увидела себя: собранные в хвост волосы, подтёк на губе, чужая кофта. Она достала из кармана помаду, но потом убрала обратно. Всё равно уже пришла.

Коридор на четвёртом был длинный и тихий, с камерами под потолком и одинаковыми дверями по обе стороны. Пахло новой краской и кофе. Навстречу прошла женщина с папкой и не подняла головы, за одной из дверей работал принтер. Алиса шла и думала, что для фирмы, которая нанимает людей на удалёнку, большой офис и не нужен. Дверь с табличкой «Зевс» оказалась в самом конце. Алиса постучала и вошла. Внутри был небольшой кабинет с одним сто-

лом, за которым никто не сидел. На столе стоял монитор, лежала папка и стояла чашка с ложкой. Справа из этого кабинета вела ещё одна дверь, приоткрытая на палец. Она постучала снова, теперь в эту дверь, и, услышав «да», толкнула её.Кабинет за ней был просторный, с окном во всю стену и жалюзи, поднятыми до половины. За столом сидел мужчина лет сорока пяти. Смуглый, нерусской внешности, черноволосый, с короткой аккуратной бородой, в светлой рубашке без галстука и пиджаке, перекинутом через спинку второго стула. На его запястье блестели часы.

Он улыбнулся:— Здравствуй, Алиса, — сказал он и показал рукой на стул напротив стола. — Присаживайся.

Мужчина говорил с явным акцентом. Она села, положила сумку на колени и только теперь заметила второго. Он стоял у стены за дверью, широкий, в тёмной рубашке, и до этого его не было видно из-за створки. Алиса не слышала, чтобы он входил.Улыбка мужчины за столом стала ещё шире.

— Здесь проходит собеседование? — спросила Алиса с сомнением в голосе.

— Проходит, — кивнул он. И усмехнулся так, будто она сказала что-то забавное.

Внутри у неё прошёл холодок. Мужчина положил локти на стол, придвинулся ближе, и стул под ним скрипнул.

— Итак, Алиса, скажи нам, где флешка?

У неё на секунду остановилось дыхание. «Опять про флешку. И эти туда же». А следом пришла мысль, совсем

неуместная, но отчётливая: Стас её убьёт.

— Я не понимаю, о какой флешке речь, — твердо сказала она.

— О такой красивой, в виде ножика, — мужчина проговорил это медленно, слово за словом, как говорят с ребёнком. — Которая случайно оказалась у тебя и которую нужно вернуть, — он похлопал пальцами по столу.

Алиса сглотнула. Второй за её спиной переступил с ноги на ногу, и ламинат скрипнул. Она выдохнула тихо, чтобы не было слышно, и скрестила руки на груди.

— У меня нет никакой флешки, честное слово, — она заставила себя смотреть мужчине в глаза. — Ни в форме ножа, ни пули, никакой нет, понимаете?

— Понимаю, — сказал он.

Он начал вставать с кресла, и Алиса приоткрыла рот: он был высокий и огромный, гораздо больше, чем казался сидя. Пиджак на спинке стула качнулся. Эти двое были совсем не похожи на тех, кто ночью вломился в её квартиру: ни спешки, ни злобы, ни разбитых костяшек. Аккуратные, спокойные люди с чистыми руками и хорошей одеждой. Алиса оглядела комнату и попыталась придумать, как отсюда выйти, но в голове было пусто, только стучало.

— Я вижу по твоей разбитой губе, что ты знакома с вариантом, как могут разговаривать люди, — он показал на её лицо раскрытой ладонью. — А мы сейчас очень тактичны с тобой. Очень вежливы. — Он чуть повёл рукой, будто пока-

зывал, какая хорошая между ними беседа. — Но скоро терпение иссякнет, понимаешь?

— У меня правда нет флешки, мужчина.Она не знала, как к нему обратиться, и получилось до того нелепо, что второй за её спиной не сдержал улыбку. Алиса услышала, как он фыркнул.— Что вы все привязались к этой флешке? — она подалась вперёд. — Сейчас в продаже куча флешек, любого дизайна, какой хотите. А вы привязались ко мне.

Мужчина посмотрел на неё сверху вниз и кивнул.

— Да, верно. В продаже много чего есть, Алиса, — он наклонился к ней через стол, и она вжалась в спинку стула. — Знаешь, что ещё есть? Есть надгробные плиты. Тоже разного дизайна. Твоя фотография будет хорошо на них смотреться. «Ай-ай, какая молодая, — будут говорить люди. — Ей ещё жить да жить».

Она медленно поднялась со стула. Сумка сползла с колен, но она её удержала. Мужчина неспешно обошёл стол и пошёл на неё, не торопясь, будто у неё всё равно не было выхода.

Стас вернулся домой и собирался пойти в кабинет. Вышла тётя Надежда.

— Уже вернулся?

— Я ненадолго, надо кое-что взять. Где гостья?

— Уехала, — тётя поправила воротник. — Она попросилась к врачу, я дала машину с охраной. Вика с ней поехала, за компанию.

Стас остановился и нахмурился.

— К врачу?

— К врачу, Стас. У неё запись, она мне объяснила. Что-то не так?

Он не ответил. Достал телефон и нашёл номер охранника, который ездит с Викой.

— Девушки где?

— Они в клинике, — сказал парень. — Сидят там. Кудрявая на приём пошла, я в холле жду.

— Давно?— Ну как приехали, так и жду, — он помолчал. — Долго уже, вообще-то. Больше часа. - Голос у него стал неуверенным.

— Найди их, — сказал Стас. — Обеих. Живо.

Тётя смотрела на него, нахмурила брови и спросила:

— Что тебя так беспокоит, милый?

Он вздохнул:— Тётя, будет лучше, если обе будут сидеть дома, — он показал указательным пальцем на тётю.

Зазвонил телефон, и охранник Вики сказал, что их нигде нет.

— Что? — голос у Стаса упал.

— Их нет, — повторил парень.С

тас выругался и так сжал телефон, что тот скрипнул. Ещё немного, и экран треснул бы, и это его немного отрезвило.

— Что случилось? — тётя подошла ближе. — Стас, что там?

— Их там нет, — буркнул он. — Ушли.

— Как ушли? Куда?

Он уже не слушал. Нашёл в контактах человека, который присылал информацию об Алисе, и набрал. Тот ответил сразу, будто держал телефон в руке.

— Мне нужно посмотреть переписки и звонки той девушки, Алисы Крайновой, — сказал Стас. — Прямо сейчас!

— Минуту.

Минута казалась Стасу бесконечной. Телефон снова зазвонил:

— Она отвечала час назад на приглашение на собеседование. Больше ничего.

— Адрес! — почти крикнул Стас.

— Уже отправил тебе.

Стас быстро схватил ключи от машины и пошёл к двери. В этот момент в дом вошёл Матвей. Стас бросил: «Поехали», и они вышли. Через полминуты машина выезжала из ворот, и шины свистнули по асфальту.

Алиса пятилась к двери. Спиной она нашла её быстро, но рука не сразу нашла ручку: ладонь водила по гладкому дереву, пока пальцы не наткнулись на металл. Второй шагнул спокойно, взял её за плечи и развернул. Не грубо, но так, что сопротивляться было бесполезно; она только охнула от боли в ушибленном плече. Её снова усадили на стул.

— Я сейчас закричу, — сказала Алиса.

Голос дрожал, и она ничего не могла с этим сделать.Пер-

вый мужчина подошёл к ней вплотную, наклонился, положил руки на подлокотники её стула, и она вжалась в спинку.

— Давай, кричи, — сказал он. — Девочка, я теряю терпение.

И в этот момент дверь распахнулась.Стас стоял в проёме, и в правой руке у него был пистолет, направленный на мужчину рядом с Алисой. Матвей вошёл следом и направил свой пистолет на второго мужчину. Первый мужчина медленно выпрямился и поднял руки.

— Спокойно, спокойно, Стас.

— Как нехорошо, Исмаил, — Стас говорил чётко и уверенно. — Очень нехорошо. Разве тебе пристало так относиться к девушкам?— Ну что ты, что ты! — Исмаил улыбнулся и повёл рукой в воздухе, будто разгонял дым.

— Я просто в гости пригласил. Чай попить, как дела спросил.

— Чай, — повторил Стас. — Отойди, — сказал он и показал стволом.

Исмаил сделал два шага в сторону и заложил руки за спину. Алиса поднялась, не отрывая глаз от Стаса, и пошла к нему. Ноги почти не слушались, пол под ними качался. Матвей взял её за руку и вывел из кабинета.

— Девушка со мной, Исмаил, — донеслось из кабинета. — Есть вопросы?

— У Ибрагима будут вопросы, Стас, — прошипел Исмаил сквозь зубы.

— Пусть приходит и спрашивает!

Стас вышел, не опуская пистолета, пока не переступил порог. Матвей придержал дверь и закрыл её за ним.До машины шли молча. Матвей шёл впереди и по дороге оглядывался, Стас держал Алису за локоть, и она чувствовала, как его пальцы сильно впились ей в руку.

Он посадил её на заднее сиденье, не глядя на неё. Сам сел за руль, Матвей рядом. Машина выехала со двора, и дальше Стас молчал. Алиса видела его профиль и руки, которые переминали руль, желваки ходили по скулам, и от этого молчания напряжение было таким сильным, что казалось: одна искра, и всё взлетит. Он ни разу не посмотрел в зеркало заднего вида. Она тоже молчала и смотрела в окно, но не замечала там ничего.

На светофоре Стас заговорил.

— Вот ты вроде умная девушка, — сказал он, глядя вперёд. — Университет закончила. Вы там слушали, запоминали. Что ж ты сейчас не смогла запомнить, что я тебе сказал?

Он размахивал правой рукой, держа руль только левой.

— Вот Матвей, скажи. Что сложного понять, что нужно сидеть дома?

Матвей вздохнул и ничего не ответил. Стас наконец глянул в зеркало, нашёл её глазами и посмотрел так, что она вжалась в сиденье.

— Ты что думаешь, мне нечего делать, как искать тебя по городу и спасать? — Он почти кричал.Алиса понимала, что

неправа. И всё равно внутри поднималась злость, потому что кричать на неё было не за что, во всяком случае, не так.

— Можешь не спасать, — сказала она негромко.

Стас нажал на тормоз, и машина резко остановилась. Алиса чуть не вылетела между передними сиденьями, успела упереться рукой в спинку. Машина замерла у обочины, сзади кто-то длинно посигналил и объехал их.

— Ты слышал? — Стас повернулся к Матвею. — Это вся её благодарность! «Спасибо, Стас, что я ещё жива до сих пор. Спасибо, Матвей, что пожалел меня той ночью и что Стас вернулся и забрал!»

— Спасибо, — сказала Алиса сквозь зубы.

Он развернулся к ней и посмотрел ей в глаза. Ей казалось, что ещё чуть-чуть, и из его ноздрей пойдёт дым. Она часто дышала, ноздри раздувались.

— Я повторяю, для особо одарённых, — он сказал это медленно, слово за слово, как говорил тот Исмаил, и от этого сходства ей стало не по себе. — Больше никаких поездок. Только в доме сидишь.

Алиса стиснула губы и ничего не ответила.

Матвей смотрел на них по очереди и наконец сказал:

— Ладно, брат. Она всё поняла. Успокойся, она сама трясётся сидит.

Стас не сразу отвёл от неё взгляд. Потом выдохнул, включил передачу и снова тронулся. Телефон у него в кармане завибрировал. Он достал его, посмотрел на экран и сказал

громко, так, чтобы слышали в салоне:

— Нашлась и вторая. Говорит, ждала тебя в кафе при больнице! — он посмотрел в зеркало. Алиса посмотрела в ответ. — Тоже получит, — пообещал он.

Он включил радио. Из динамиков пошла музыка, громкая, с ровным ритмом, и остальную часть пути все ехали молча. Алиса отвернулась к окну.

Дома шли уже знакомые, те, что перед поворотом на посёлок. Слёзы подступили сразу, и она смахнула одну, надеясь, что этого никто не заметил. Стас заметил. В зеркале он видел её щёку и то, как она быстро провела по ней рукой.

Он вздохнул и покачал головой. Он злился не потому, что она ослушалась. Злился он потому, что с ней могло что-то случиться, а он мог не успеть. Стас еще до конца не осознавал это, а Матвей всё понял сразу по его реакции.

Глава 6

Вика была уже дома. В гостиной сидела Надежда Сергеевна. Вика устроилась на краю дивана, сцепив руки на коленях, и при виде Алисы подняла на неё глаза, будто просила не оставлять её одну. Стас, шедший следом, ничего не сказал, прошёл мимо и поднялся к себе. Дверь его комнаты закрылась наверху тихо.

— Иди сюда, — скомандовала Надежда Сергеевна.

Алиса подошла и осталась стоять.

— Я дала тебе машину и охрану, — начала тётя. — Думаешь, я куплюсь на ваши уловки с больницей?

Алиса сдвинула брови: эта тётя или такая сообразительная, или она что-то узнала о Вике?

— Это я виновата, — сказала Алиса. — Я признаю, что надо было сообщить, что я ещё пойду на собеседование.

— Я вижу, кто виноват, — сказала тётя. — Вижу по твоему лицу, по губе, по этой дурацкой поездке. В следующий раз, прежде чем что-то просить, думай, чем это может кончиться. Ты живёшь в моём доме, Алиса, и мы за тебя отвечаем. Вика, не думай, что я не вижу, что ты делаешь.

Алиса молчала. Внутри поднималось что-то колючее и хотело сказать, что она не ребёнок и не обязана отчитываться, но она прикусила язык. Живёт она действительно сейчас здесь и должна быть благодарна этой женщине.

— Идите, — закончила Надежда Сергеевна и отвернулась к окну. — Обе.

Алиса успела только стянуть кофту, когда дверь её комнаты открылась без стука. Вика вошла и остановилась у порога.

— Алиса, прости меня, пожалуйста, — сказала она. — Из-за меня тебе досталось.

Алиса вздохнула и села на кровать. Виновата была она сама, а не эта девушка, которая всего лишь хотела полчаса побыть счастливой.

— Ты встретилась с отцом ребёнка?

— Да.

— Рассказала ему?

Вика погрустнела и опустила глаза.

— Я не смогла.

Алиса не выдержала:

— Как же так! — Она даже привстала. — Скоро живот будет виден. Ты ему когда скажешь? Когда родишь?

Вика молчала, и ей становилось всё грустнее. Алиса осеклась на полуслове. Она нападала на девчонку, которая и так тряслась от страха, и вымещала на ней свой сегодняшний промах, свою злость на Стаса, свою беспомощность.

Она села обратно и притянула Вику к себе. Та уткнулась ей в плечо, и Алиса погладила её по спине.

— Ладно, — сказала она тихо. — Всё решится. Как-нибудь.

Вика шмыгнула носом и села рядом, вытирая щёки ладо-

нью. За окном уже темнело, и в комнате горела только лампа у кровати. Алиса вспомнила, как они сидели в клинике, как Вика прикладывала руку к животу и говорила про тикающие часы.

— Вика, а вы давно живёте с тётей? — спросила она.

Вика посмотрела на неё внимательно и чуть усмехнулась, хотя глаза ещё были мокрые.

— Ты хочешь спросить, где наши родители?

Алиса кивнула.

— Они погибли, — сказала Вика. — Когда Стасу было десять, а я была младенцем. Я их так и не узнала. Тётя нас забрала, помогла, подняла. А дядя был как отец. — Она улыбнулась, как будто вспоминала прошлые тёплые моменты. — Он с нами возился, с обоими. Стас его до сих пор... — она не закончила.

— А Игорь? — Алиса помолчала. — Сын тёти. Почему он не стал главным после дяди?

Вика даже рассмеялась, коротко и беззлобно.

— О! Игорь взрывной, неуравновешенный. Он живёт эмоциями. Как он сможет с таким набором всем управлять? — она покачала головой. — Ты видела, как он за столом сидит? Вот так он и делает дела. Ему бы по клубам ходить.

— А он не злится на Стаса?

— Нет. Во-первых, он младше и с детства относится к Стасу как к старшему брату. А во-вторых, он сам, думаю, понимает, что не сможет. — Вика пожала плечом. — Тут у

всех свои роли. Игорь — это Игорь, он не хочет быть главным, ему и так неплохо живётся.

Алиса подумала, что это очень удобная причина не хотеть, но вслух ничего не сказала. Вика за время разговора уже дважды её удивила: сначала тем, как спокойно она говорила про погибших родителей, потом тем, как точно расставила всех в доме по местам.

— Я слышала о каких-то Ибрагимовых и каком-то Тимуре, — сказала Алиса. — Люди которого меня… — она дотронулась до губы.

— Всё сложно, Алиса, — вздохнула Вика и подтянула к себе подушку, обняла её. — Нашу жизнь нельзя назвать простой. У меня нет друзей, потому что я не могу просто, как обычный человек, ходить где хочу и общаться с кем захочу. — Она помолчала. — Но я привыкла. Нет другого.

Алиса смотрела на неё и понимала, что сидит рядом не с глупенькой молоденькой девушкой. Вика умная, рассудительная, с прекрасным глубоким внутренним миром. Но ей абсолютно не с кем этим миром делиться.

— Ибрагимовы — это плохие люди, — сказала Вика и опустила глаза. Тон у неё был такой, будто, говоря «плохие», она думала наоборот. — Ибрагим Ибрагимов враждовал давно с дядей, и это он виноват в смерти дяди. Так говорит тётя и Стас. Там была ужасная история три года назад.

— А почему они так враждуют? — спросила Алиса. — Что-то личное? Или только деньги?

— Всё время делили что-то, — Вика пожала плечом. — А тимуровские — это враги. Очень мерзкие, беспринципные люди, хотя людьми их даже не назовёшь. Ну ты по себе ощутила, что они могут. Никого не жалеют. Тимур хочет управлять городом один, и все борются друг с другом. Всё непросто.

Алиса откинулась на спинку кровати и посмотрела в потолок.

— Знаешь, ещё недавно я не задумывалась, что есть такие люди, как вы, — сказала она. — Которые занимаются такими делами, которые носят с собой оружие. У меня другая жизнь, понимаешь? Если бы не вся эта ситуация, я бы сейчас, наверно, страдала по парню, который меня бросил и предал. А сейчас я о нём и не вспоминаю. Как говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. — Она вздохнула и распустила волосы, и они упали ей на плечи тёмной волной.

— У всех свои проблемы, — сказала Вика. — Но сейчас я рада, что ты здесь. — Она улыбнулась и взяла Алису за руку. — Мне было так одиноко, не с кем поговорить, понимаешь? И только Эмир раскрасил мой мир.

Она сказала это и вдруг осеклась, будто услышала сама себя. Рука метнулась к губам. Алиса медленно выпрямилась. По имени она начала понимать то, о чём Вика боялась сказать вслух.

— Вика, — спросила она тихо, — отец ребёнка из этих Ибрагимовых?

Вика молчала секунду, другую. Потом кивнула и сжала её пальцы.

— Да. Да, Алиса. Эмир — младший сын Ибрагима. Понимаешь теперь, как всё ужасно.

Алиса вздохнула, подняла брови и выдохнула. В голове разом сошлось всё: ночь в её квартире, люди с флешкой, слова Стаса в машине, «Ибрагим» в кабинете у Исмаила. И эта девочка с подушкой в обнимку, которая два месяца носит под сердцем ребёнка человека, отца которого в этом доме считают убийцей.

— Да, милая, это будет непросто, — сказала она. — То есть если отец Эмира узнает, то тебя заберут к ним? Что-то мне подсказывает, что эти Ибрагимовы не захотят оставлять внука здесь.

Вика заплакала и уткнулась в её плечо. Алиса ещё раз вздохнула и погладила её по голове. Сказать было нечего.

Перед сном Алиса захотела выйти в сад. Прогуляться на свежем воздухе, разгрузить голову, в которой за день набралось столько, что она уже путала, что знает, а что только предполагает.

На первом этаже было тихо, все сидели по комнатам. Только в конце коридора светилась полоска под дверью кабинета. Проходя мимо, Алиса зачем-то прислонилась к двери и услышала голос Стаса. Он говорил с Матвеем.

«Этот Матвей вообще уходит домой? — подумала она. — Он постоянно тут».

— Значит, кто-то предупредил их, Стас.

— Однозначно.

— Думаешь, кто-то из своих? Всё же было просчитано.

— Забери вагоны, отгони на восточное направление, перегрузите и отправьте через порт. Замаскируй.

— Будет сделано, Стас.

Алиса постояла ещё немного, но голоса стихли. Она отступила от двери и пошла к выходу в сад.

На улице было прохладно. Конец августа, ночи уже стали темнее, и над дорожками висел влажный запах травы. Алиса шла, осматривала клумбы и кусты, слушала птиц, которых вокруг оказалось на удивление много, и звонкое стрекотание кузнечиков. Этот звук она любила с детства, с тех лет, когда они приезжали на лето к бабушке в деревню и она засыпала под него на веранде.

За кустами стояли качели. Алиса села и медленно качнулась. Цепь тихо скрипнула, потом ещё раз. Она качалась и думала о своей жизни, о событиях этого дня, о Вике и о Стасе, и мысли шли по кругу, не находя выхода.

Стас зашёл в свою комнату, сбросил рубашку, встал под душ и долго стоял, подставив голову под горячую воду. Потом вытерся, натянул футболку и подошёл к окну.

Из окна он увидел её на качелях. Она медленно качалась, голова прислонена к поручню, и время от времени она подносила руку к лицу. Наверное, чтобы смахнуть слезу. Он смотрел, и лицо у него было серьёзное. С одной стороны, ему

хотелось выйти, принести плед, сесть рядом и сказать что-нибудь такое, от чего она перестанет плакать. С другой стороны, он не хотел показывать слабость.

Он вообще не показывал слабость никому, тем более женщинам. Женщин у него было много: короткие отношения, лёгкие, без обязательств, и он ни к одной не привязывался. Он давно решил, что любовь — это слабость, то, что будет мешать. Тётя хотела, чтобы он женился на дочери Лариона, и Стас считал это хорошим вариантом. Аня живёт в тех же реалиях, что и он, говорит на том же языке, и такой брак укрепит его позиции. Всё понятно, всё разложено по полкам.

Стас задвинул штору и сказал себе: хватит. Потом вспомнил, что пропустил ужин, и понял, что голод не даст ему уснуть.

Он натянул шорты и вышел из комнаты. По дороге заглянул к Вике. Она спала, свернувшись на боку и поджав под себя одеяло. Стас осторожно подошёл, выключил у неё светильник и поправил одеяло, подоткнув его ей под плечо.

На кухне горел свет. У холодильника уже стояла Алиса. Она замёрзла в саду и пришла выпить горячего чая. Увидев Стаса, растерялась. После поездки в машине они не виделись, и она, кажется, не знала, как себя вести.

— Я пришла сделать бутерброд, — сказала она робко. — Можно?

— Конечно, — ответил он сухо и прошёл к чайнику.

— Чайник уже горячий, я ставила.

— Угу.

«Какой же он бука», — подумала она.

Она вытащила из холодильника огурец, ветчину, батон, сыр и помидор, потом прихватила ещё майонез. Он посмотрел на продукты незаметно, и в животе у него заурчало так громко, что стало слышно. Она услышала, но ничего не сказала.

— Тебе сделать? — спросила она.

— Что?

— Бутерброд.

Она подошла к нему ближе и посмотрела снизу вверх. Он повернулся, и наконец их взгляды встретились. Они смотрели друг на друга дольше, чем нужно было, и ни один не отвёл глаз первым. Она улыбнулась.

— Сделать? Вкусно будет, обещаю. Ты такого не ел.

— Ну раз не ел… — он кивнул.

Она начала делать: хлеб, майонез, сыр, огурец, ветчина и сверху кружок помидора. Он наблюдал за её руками, за тем, как она раскладывала всё ровно, будто собирала что-то важное. Облизала майонез с пальца и застенчиво улыбнулась.

— Я такая голодная после сада. Свежий воздух разыгрывает аппетит.

Она положила бутерброд на тарелку и поставила на стол рядом с ним.

— Садись, — кивнула она и налила им чай.

Он сел. Хотя больше всего хотелось забрать бутерброд и

уйти к себе, оторвать от неё взгляд было выше его сил. Он рассматривал ее: каштановые кудряшки, закрученные сзади, островатый нос, который она так мило морщила, изящная линия подбородка, такие тонкие и красивые пальцы, нежные губы. Несмотря на ссадину и припухшую щёку, она выглядела такой естественной.

Алиса откусила бутерброд, и кусок оказался слишком большим. Помидор выскользнул и упал на тарелку, она смешно попыталась его удержать, подставляя ладонь, и он улыбнулся.

Она прожевала и сказала:

— Ну наконец-то!

— Что? — не понял он.

— Наконец-то ты улыбнулся.

Он снова сделал серьёзное лицо.

— Скажи, ты бываешь с другим выражением лица? Или ты и родился уже таким серьёзным и суровым? Представляю, — она улыбалась всё шире, — ты родился, медсестра смотрит на тебя, а там уже прям вот такое выражение лица, как сейчас, — она кивнула в его сторону и засмеялась.

Он не хотел улыбаться, но ему тоже стало смешно, и он не сдержался.

— Вкусно? — спросила она. — Скажи, вкусно?

Он кивнул.

— Пожалуйста, — ответила она и долила себе ещё чаю. — Так тихо в доме. — Она посмотрела на него, и он подумал,

что под светом лампы её глаза кажутся с золотистым отливом. — Скажи, эти двое — это были люди Ибрагимова?

Он нахмурил брови:

— Тебе не нужно много информации. А то одна будет вытеснять другую, и снова забудешь важное.

Она закатила глаза, но не сдавалась.

— Эти Ибрагимовы прям плохие-плохие?

— Да.

— И ты так в этом уверен?

Он посмотрел на неё как на дурочку.

— К чему эти вопросы? Допивай и иди спать, — он снова нахмурился.

— А я ещё слышала, что есть друг семьи Ларион.

— И?

— Он нормальный? Ну добрый? Ему можно доверять?

— Я понял, — сказал он. — Тебе нечем заняться, и ты или творишь дичь, или ходишь и вынюхиваешь.

Она зло посмотрела на него.

— Я не вынюхиваю. Просто слышала, и мне любопытно.

— Тебе не нужно всё это знать. Ты тут ненадолго.

Она замолчала. Сказано это было ровно, без злости, и от этой ровности стало обиднее всего. Как будто её только что спустили на землю и напомнили, где она находится и на каких правах. Алиса встала и убрала продукты в холодильник, помыла чашку и уже пошла к себе, когда он спросил:

— Обиделась?

Она обернулась. Он подошёл ближе. Она сделала пару шагов назад и упёрлась спиной в холодильник. Он подошёл ещё ближе, и она почувствовала его запах. Алиса на секунду прикрыла глаза и приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, но не знала, что.

— Не выводи меня! — сказал он, глядя на её губы.

— Это ты не выводи. До встречи с тобой у меня всё было ясно и понятно!

Он усмехнулся.

— Ты не поверишь, но и у меня всё было ясно и понятно.

Алиса чувствовала, как участилось дыхание, грудь в майке поднималась и опускалась. Он скользнул глазами с губ ниже, по шее, остановился на её груди. Одна часть внутри него говорила: «Хватит стоять и пялиться на неё, иди отсюда!» Другая хотела прижать её к себе, поцеловать так, чтобы у неё перехватило дыхание, и заняться сексом прямо на этом кухонном столе. Он чувствовал, как желание разливается приятным теплом в паху, и с трудом перевёл взгляд на её глаза.

Алиса отвела взгляд, потом упёрлась ладонями в его грудь и оттолкнула настолько, насколько смогла.

— Спокойной ночи, — сказала она и быстро ушла.

Он остался стоять у холодильника. Облокотился на него руками, зажмурил глаза и сжал кулаки. Ему совершенно не нравилось то, что с ним происходит с момента знакомства с ней. И он не мог объяснить, что конкретно ему не нравилось. «Что ты вытворяешь, Стас? Ты не о том должен думать!» —

сказал он себе.

Глава 7

Алиса не могла уснуть. Она переворачивалась с боку на бок, и мягкий матрас, который ещё вчера казался ей верхом удобства, теперь будто выталкивал её обратно. Простыня сбилась, подушка нагрелась, и в комнате было душно, хотя окно приоткрыто.

Около двух часов ночи она услышала на улице шум. Сначала ей показалось, что это ветер хлопнул калиткой, потом послышались голоса и шаги по гравию. Алиса завернулась в одеяло и вышла на балкон.

Внизу, у парковки, быстро шли мужчины. Стас впереди, Матвей рядом с ним, Игорь чуть позади, ещё трое или четверо за ними. Все в тёмном, все молча. Они сели в две машины, фары резанули по дорожке и по кустам, потом послышался шорох шин, и машины скрылись за поворотом.

Алиса вдохнула ночной воздух. Он был холодный и немного сырой, пахло травой и мокрым камнем. Внизу горели фонари, и в их свете было видно, как мелко дрожат листья на ветру.

Она вернулась в кровать, но сон не шёл. Внутри было тревожно, и она понимала: если они уехали ночью, значит, это что-то опасное. Хотя у таких людей, наверное, почти каждый день может быть опасным.

Она лежала с открытыми глазами. Губа немного ныла.

«Почему я за него беспокоюсь? Он чужой. Но ведь он спас меня, и я сейчас завишу от него». Она подумала ещё немного и решила, что волнение именно из-за этого: он ей нужен как спаситель, и ничего другого тут нет. От этой мысли стало спокойнее, и она уснула.

За завтраком не было ни Стаса, ни Игоря. Алиса подумала, что они уже уехали, и села на своё место рядом с Викой.

Надежда Сергеевна вела себя так, будто ничего не случилось. Наливала кофе, поправляла салфетки, говорила про погоду. Но Алиса видела, как она время от времени смотрит на часы и потом на дверь.

Вика выглядела не очень. Под глазами у неё лежали тени, лицо было бледное, и даже румяна на щеках не скрывали зеленоватого оттенка.

— Вика, ты в порядке? — спросила тётя, отставляя чашку.

— Немного болит желудок, — сказала Вика.

— Опять? — Надежда Сергеевна нахмурилась. — Ты что-то ела вчера?

Вика не успела ответить, и Алиса сказала:

— Это, наверное, в кафе. Вчера в клинике, там, видимо, что-то не очень свежее попалось.

Сказала она это легко и поспешно, стараясь, чтобы вышло обыденно, и тётя, кажется, поверила. Во всяком случае, она перевела взгляд на Алису, но ничего не сказала.

Вика опустила глаза в тарелку. Под столом она нашла руку Алисы и тихо сжала её пальцы.

В столовую зашёл Ларион. Высокий, сухой мужчина в дорогом костюме без галстука, он здоровался на ходу, и тётя шагнула ему навстречу.

— Доброе утро, Ларион.

— Надежда Сергеевна, дорогая, — он поцеловал ей руку, и это вышло у него так естественно, будто за долгие годы стало привычкой. — Как ты?

Алису он увидел впервые и остановил на ней взгляд. Недостаточно долгий, чтобы это было невежливо, но достаточный, чтобы она почувствовала, как её рассматривают. Серые глаза, ухоженные руки, часы.

— У нас гостья, — сказала Надежда Сергеевна. — Дальняя родственница Стаса. Алиса. Погостит у нас.

— Родственница, — повторил он и чуть наклонил голову. — Приятно познакомиться, Алиса.

— Доброе утро, — сказала она.

— Ларион Романович, — тётя взяла его под локоть, — пойдём в кабинет.

Они ушли, и дверь кабинета закрылась.

— Кажется, что-то случилось, — сказала Вика.

— Почему ты так решила?

— Дядя Ларион так рано обычно не приходит.

Алиса посмотрела на закрытую дверь. Бледность у Вики стала ещё заметнее, и Алиса наклонилась к ней:

— Вика, может, выйдем в сад? Ты бледная сегодня. У тебя начался токсикоз? — Она сказала это вполголоса, так, чтобы

не услышала прислуга.

— Я лучше у себя отдохну, — сказала Вика с досадой и встала. — В саду сыро.

Алиса кивнула. Вика ушла, и в столовой осталась только она за этим огромным столом.

Она подошла к окну. Шёл дождь. Небольшой, ровный, такой, что стёкла покрывались мелкими каплями, а сад за ними терял краски и становился серо-зелёным. Дорожки блестели, качели на краю сада мокли под дождём.

«Сколько ещё мне придётся здесь быть?» — подумала Алиса.

Она побрела к себе и по дороге вспомнила про библиотеку. Делать всё равно было нечего, и она решила зайти, посмотреть, что там есть.

Библиотека оказалась комнатой с полками во всю стену, от пола до потолка, с высокой стремянкой в углу. Видимо, в этом доме любили читать. Алиса прошлась взглядом по корешкам: авторы были незнакомые, всё больше толстые тома в тёмных переплётах, без картинок. Она вытащила одну книгу, потом вторую, полистала и поставила на место. Она сама не знала, какой жанр ей сейчас нужен, чтобы отвлечься. Взгляд остановился на нескольких тонких книжках, стоявших отдельно от остальных, будто их поставили туда, чтобы не потерялись среди тяжёлых томов. Одна из них заинтересовала её. Сказка «Дерево желаний». Такой она не знала и решила взять.

Проходя по коридору второго этажа мимо комнаты Стаса, Алиса сначала прошла мимо. А потом остановилась, вернулась и захотела зайти. Она не была в этой комнате с той первой ночи.

Она осторожно надавила на ручку и открыла дверь. Стас лежал на кровати. По пояс под одеялом, а на боку у него была белая повязка. Алиса застыла в дверях. Он ранен.

Она тихо подошла ближе. Он спал, дышал ровно, и на его лице не было привычной жёсткости: расслабленное, усталое лицо, тёмные ресницы, тяжёлая челюсть. Повязка немного пропиталась кровью, рядом на стуле стояла открытая аптечка.

Алиса взялась за голову. Не зря она волновалась ночью. Вот, пожалуйста, его ранили. Она потянулась к повязке рукой, чтобы поправить её, и в ту же секунду он сильно схватил её за запястье и открыл глаза.

Алиса испугалась и вскрикнула.

— Уф, ты больной, что ли, так пугать!

Она поморщилась от боли. Он разжал руку.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он чуть хрипло.

— Тебя ранили? Сильно? Ты будешь жить? — затараторила она.

— Слушай, мне больно смеяться, а ты тараторишь, как трещотка.

Он попытался приподняться и сморщился от боли. Алиса потянулась, чтобы помочь, и приподняла подушку. Её воло-

сы защекотали его по груди. Она присела на кровать рядом.

— Не волнуйся, на мне всё заживает как на собаке.

Алиса осторожно дотронулась до повязки кончиками пальцев.

— Ты такой накачанный, — вырвалось у неё, и она тут же засмущалась. — Хотела сказать, что много мышц и ты сильный. Всё точно быстро пройдёт.

Он усмехнулся.

— Можешь любоваться, я не против.

Она закатила глаза и убрала руку.

— Вижу, что у тебя точно всё уже нормально!

— Что у тебя в руке?

— Книга. Я взяла в вашей библиотеке. Надо как-то занять время. — Она посмотрела на обложку. — «Дерево желаний» называется.

— Это моя книга. От мамы.

Алиса замерла. Она растерялась и не знала, что ответить.

— Ты же не против, если я почитаю? Я осторожно.

— Читай. Это для тебя полезнее. Хоть займёшь свою неуёмную голову. — Он, кряхтя, ещё немного приподнялся.

— Ты просто невыносимый человек!

Она встала, и он смотрел на неё внимательно.

— Не видела раненых?

— Так близко нет. Может, тебе принести что-нибудь? Пить или бульон, например?

— Хочешь сама сварить? — Он усмехнулся.

Она подняла подбородок.

— Ты помог мне, почему бы и мне не сделать что-то для тебя.

— Тогда почитай.

Алиса посмотрела на книгу, немного замялась, потом обошла кровать с другой стороны, приподняла подушку и присела на край. Открыла первую страницу.

— «В одном городе, у самой реки, росло дерево, — начала она. — Никто не помнил, кто его посадил. Но все знали: если подойти к нему в сумерках и попросить о чём-то очень важном, оно исполнит просьбу. Только плата за желание всегда была не та, о которой думали люди».

Стас молчал. Он лежал, закрыв глаза, и слушал. Как давно он не слышал эту книгу. Мама читала её ему в детстве, и голос у неё был тихий, бархатистый, а он засыпал на середине и потом весь следующий день просил дочитать. Тёплые и одновременно такие горькие воспоминания накатывали на него.

Алиса читала негромко, иногда спотыкаясь на длинных фразах, и переворачивала страницы, проводя по ним пальцем. Она дошла до места, где героиня стоит перед деревом и не решается сказать вслух то, чего хочет больше всего, и тут заметила, что дыхание Стаса стало другим. Он спал.

Она замолчала и посмотрела на него. Пока он спал, лицо у него было совсем другое: спокойное, без этого тяжёлого выражения, которое он носил, как маску. Ресницы длинные,

губы сухие, на щеке уже отросшая щетина. Ей хотелось дотронуться до него, провести пальцем по скуле, но это было бы неуместно, и она отняла руку, которую уже приподняла.

Алиса закрыла книгу, встала осторожно, чтобы не скрипнула кровать, и вышла.

В коридоре у двери стояла Надежда Сергеевна. Стояла близко, лицом к двери, и смотрела на Алису вопросительно.

— Он попросил почитать, — растерянно сказала Алиса и показала на книгу. — Скажите, с ним всё в порядке?

— Он скоро поправится, — уверенно ответила Надежда Сергеевна.

Алиса кивнула и пошла к себе, чувствуя спиной её взгляд.

Надежда Сергеевна проводила её глазами до поворота, покачала головой и прищурилась. Она была умной и проницательной женщиной, умела читать между строк. И Стаса она знала слишком хорошо, чтобы понять: он меняется с появлением Алисы.

Тётя приоткрыла дверь в его комнату, посмотрела, что он спит, и тихо прикрыла её обратно.

Надежда Сергеевна вышла на террасу второго этажа. Дождь усилился, стучал по навесу, и с карниза ровно падали тяжёлые капли. Она присела на диван, укрылась пледом и положила руки поверх него. Отсюда был виден весь её сад: мокрые дорожки, потемневшие кусты, качели, мокнущие под дождём. Она вздохнула. Как быстро пролетело время. Она облокотилась на подушку и вспомнила, с чего всё

начиналось.

Ей было двадцать, она была влюблена и бежала навстречу со своим любимым Ибрагимом. Она помнила, как закладывала за ухо волосы, как боялась опоздать, как он ждал её у стены, где их не видели, и как она думала, что так будет всегда. Они хотели быть вместе всю жизнь. Строили планы. Мечтали.

Но родители решили иначе. Для него невеста была уже выбрана — та, породниться с которой было выгодно отцу. А её мать нашла и ей жениха, выгодную партию. Она ревела навзрыд, кричала, что не выйдет за другого, и отец впервые в жизни ударил её и запер дома.

Перед свадьбой ей удалось сбежать. Она пришла к дому Ибрагима, а там на всю ширину ворот стояли машины, играла музыка и ходили люди в нарядных платьях. Его свадьба. Она затерялась в толпе и смотрела, как он улыбается, как выглядит счастливым, какая красивая у него невеста.

На обратном пути она хотела утопиться в море. Она вошла в воду и шла, пока вода не дошла до шеи, и тогда её жених, который всё это время следил за ней, вытащил её на берег. Она плакала и не могла остановиться, и была уверена, что он расскажет отцу. Он не рассказал. Он пообещал ей, что это будет их тайна. А она пообещала ему, что будет самой лучшей женой.

С этого дня она возненавидела своего любимого Ибрагима и не желала ему счастья. Её муж тоже возненавидел со-

перника. Так и началась история ненависти и противостояния семей.

Молодая Надежда тогда не знала, что мать Ибрагима сделала немало, чтобы очернить её в глазах сына. И у неё получилось. Он согласился жениться назло своей любимой Надежде.

Она вспоминала, как погиб брат с женой. У них остались Стас и маленькая Вика. Их хотели забрать родители жены. Надежда понимала, что для маленькой Вики жизнь в жёстких условиях воспитания не сулит ничего хорошего. Муж Надежды понял без слов и согласился взять их. Он помог отстоять детей. Её муж сошёлся со Стасом почти с самого начала, они были похожи по характеру. Вику он обожал, как нежный цветочек. Родной сын Игорь рос взбалмошный, не интересовался делами, и муж сделал ставку на Стаса. И угадал. Лучшего преемника ему было не найти.

Надежда Сергеевна сидела и смотрела на дождь, пока не вошла работница с подносом, на котором стоял кофе.

Глава 8

Алиса вернулась к себе, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Потом достала из шкафа его футболку, ту самую, в которой спала в первую ночь, и натянула её через голову. Ткань была мягкая, и ей казалось, что от неё пахнет терпким парфюмом Стаса. В ней Алиса сразу почувствовала себя спокойнее.

Она забралась на кровать с ногами, подсунула подушку под спину и открыла «Дерево желаний» на том месте, где остановилась, когда читала вслух Стасу.

Читалось легко. Сказка была старая, с длинными фразами и странными именами, и в ней всё время что-то не договаривалось: герои получали желаемое и платили за это совсем не тем, о чём думали. Алиса перевернула страницу, потом ещё одну, и на третьей между строк, у самого корешка, увидела тонкие синие буквы. Она сначала не поняла, что это, и просто провела по ним пальцем. Чернила въелись в бумагу и слегка расплылись от времени, но читались. «Стас, найди ячейку 12 на вокзале В. Код в книге. Твой дядя».

Алиса села ровнее. Перечитала ещё раз, медленно, слово за словом. Почерк был мужской, крупный, с наклоном. Ручка, синяя, обычная шариковая. Ни даты, ни чего-то ещё, кроме этих двух слов в конце. Она нахмурилась и закусила губу. «Может, это какая-то игра? Вокзал В, наверное, Восточ-

ный. Непонятно, когда это написано. И код в книге, то есть он здесь, в тексте?»

Она перелистала все страницы до конца, потом обратно, заглянула в начало и в самый конец, под переплёт. Больше надписей не было. Только эта, одна, между строк, как будто её писали тайком, торопясь.

Алиса закрыла книгу, почесала лоб. Если код в книге, значит, его надо искать по страницам. Скорее всего, это цифры, которые встречаются в тексте. Она вернулась к началу и стала перечитывать уже не как читатель, а как человек, который ищет. На первых страницах попались две цифры. Она записала их в заметки в телефоне и читала дальше, водя пальцем по строчкам. Книга была небольшая, страниц полтораста, с картинками на каждом развороте, и дочиталась она быстро. К концу в заметках было шесть цифр.

Алиса отложила книгу на тумбочку, выключила лампу и залезла под одеяло. Сон не шёл. В голове крутились эти синие буквы, и мысль, которая сначала казалась глупой, становилась всё отчётливее. «Книга старая. Запись тоже, наверное, старая. Может, это просто игра, дядя так баловался, когда Стас был маленьким. А может, и нет. Может, это то, что после его смерти никто так и не нашёл. И ячейка правда существует, и там что-то лежит».

Она повернулась на другой бок, потом на спину и посмотрела на потолок. От этой мысли было не уснуть.

Днём дождь стих, небо посветлело, и над садом стоял ту-

ман. Вика нашла Алису и потащила к бассейну.

Вода в нём была прохладная, но Вика всё равно села на бортик, опустила ноги и подставила лицо солнцу, которое наконец вышло. Алиса устроилась рядом на лежаке. От мокрых дорожек тянуло свежестью.

— Я хочу рассказать всё Эмиру.

Алиса повернула голову.

— И это правильно, дорогая.

— Я не могу больше. Он звонит, я вру, что у меня всё хорошо, и вру так, что сама себе противна. Я не хочу обманывать. Но так боюсь!

— И как ты собираешься с ним встретиться? — спросила Алиса. — После истории с клиникой тётя тебя может не отпустить.

— Ты поедешь со мной? — Вика зачерпнула воду ногой.

— А я-то тебе зачем там нужна?

— Я боюсь, что снова не решусь, если буду одна. Пожалуйста, — молила Вика и сделала глазки, как у просящего котика.

Алиса вздохнула. Ей и хотелось помочь, и в то же время уезжать из дома, пока Стас лежит в кровати, было нехорошо. Но ячейка на вокзале сидела в голове.

— Алиса, — Вика хитро прищурилась и толкнула её локтем. — Есть один вариант, который меня часто выручал. Салон красоты. Там работает хорошая девочка, косметолог. Она помогала незаметно выйти, а потом так же зайти. Она

не раз так делала.

Алиса выдохнула, надула щёки и развела руками.

— Ладно. Но твоя тётя вряд ли отпустит. Если только с Матвеем.

Вика радостно кивала.

Всё получилось. Надежда Сергеевна была не против отпустить их с Матвеем.

— Езжайте. Но без фокусов, как в прошлый раз.

Алиса решила надеть платье из вещей, которые дала ей Вика. Лёгкое, яркое, лимонного цвета. Она крутилась перед зеркалом в ванной. Платье село по фигуре так, будто его шили на неё, только было чуть короче, чем она обычно носила. Алиса подняла руки и собрала волосы в пучок, выпустила у лица две пряди. Она улыбнулась своему отражению. В зеркале стояла красивая, стильная и модная девушка. Ей вдруг захотелось показаться Стасу. Она даже сделала шаг к двери и остановилась. «Нет. Вдруг он запретит нам ехать. Не буду рисковать». Она вернулась к зеркалу и поправила прядь.

— Тебе очень идёт, — сказала Вика, когда Алиса зашла к ней. — Правда. Я бы сама его носила, но мне теперь нельзя такое, — она показала глазами на живот.

— Есть проблемка, — сказала Алиса и подняла ногу в кроссовке. — У меня только эти.

Вика рассмеялась и принесла бежевые туфли на высоком каблуке, с коричневой пяткой. Кожа была мягкая, тонкая, и Алиса впервые в жизни надевала такую дорогую обувь. Она

встала, покачнулась, сделала два шага и почувствовала, как меняется всё: спина сама выпрямилась, подбородок поднялся выше, ноги стали стройнее.

— Ого, — восторженно произнесла она.

— Тебе очень идёт! — всплеснула руками Вика.

Ещё Вика дала ей сумку, и они спустились вниз. Матвей ждал у двери, посмотрел на каблуки, потом на Алису, но ничего не сказал, только открыл дверь машины.

Салон оказался большим, светлым, с белыми стенами и запахом дорогих масел. Матвей остался ждать на диване у ресепшена. Ему сразу принесли кофе и дали планшет с играми. «Какой сервис», — подумала Алиса.

Девушки прошли мимо стойки, и навстречу им поднялась девушка в розовой униформе, тонкая, с собранными волосами. Вика бросилась к ней, и они обнялись, как старые подруги.

— Ева, спасибо, что ты есть, — сказала Вика. — Нам надо, как в прошлый раз.

Ева оглянулась, кивнула и молча повела их вглубь, мимо кабинетов, где за стеклянными дверями женщины лежали под простынями, мимо тележки с баночками, к двери с надписью «Персонал». Из неё они вышли во двор, и Ева подвела их к калитке.

— Позвоните, как вернётесь, — сказала Ева и растворилась за дверью.

У ворот ждала машина, чёрный минивэн. Вика села пер-

вой, Алиса за ней, и только когда дверь закрылась, она поняла, что это машина Ибрагимовых.

— Знакомься, — сказала Вика. — Это Алиса. Она со мной.

Эмир сидел на сиденье напротив Алисы. Симпатичный молодой человек, чуть за двадцать, с тёмными волосами и открытым лицом, он был вежлив до старомодности, и, когда он взял Вику за руку, Алиса увидела, как у него засветились глаза. Не играл, не старался, просто смотрел на неё и не мог насмотреться.

Машина выехала со двора, и Алиса подумала: «Если Стас узнает, что мы в машине Ибрагимовых, он меня убьёт». Потом добавила про себя: «Но это будет потом».

Кафе оказалось маленьким, с окнами в пол и пустым залом. Ни одного посетителя, только девушка за стойкой и тихая музыка. Было понятно, что зал оставили в их распоряжении и никто не придёт. Алиса села за отдельный столик и попросила чай. Пара влюблённых устроилась за столом у большого окна. Алиса смотрела, как они держатся за руки, как Вика придвигается к нему, как Эмир говорит ей что-то на ухо. Всё это было так мило, что Алиса искренне улыбалась.

Прошло минут десять, и Алиса увидела, что в дверь вошёл мужчина. Нерусской внешности, лет пятидесяти, с густой полуседой бородой. Он остановился в дверях и оглядел зал. Лицо у него было тяжёлое, хмурое. Алиса напряглась.

Эмир и Вика заметили его одновременно. Оба выпрямились, как школьники при директоре. Эмир поднялся со стула.

— Папа.

Алиса зажмурилась: «О нет. Только не это».

Мужчина шёл к их столу быстро и молча. Эмир поднял руки и сделал движение, будто прижимал воздух к полу, показывая отцу, чтобы тот успокоился. Вика поздоровалась, голос у неё сорвался.

Ибрагимов отставил свободный стул, сел. Сын и Вика медленно опустились следом на свои стулья.

— Твоя тётя и брат знают о ваших встречах? — спросил он, глядя на Вику.

Она опустила глаза и отрицательно покачала головой.

— Думаю, мне не нужно повторять, что это была ваша последняя встреча, — сказал он своим тяжёлым и хрипловатым голосом.

— Папа, мы любим друг друга, — набрался храбрости Эмир.

Мужчина даже не посмотрел на него. Он смотрел на Вику, и в его взгляде было что-то похожее на усталое сожаление.

— Девочка, я с вами по-хорошему сейчас. Я пришёл один. Не сказал твоим. Если вы сейчас сделаете как я сказал, то твои не узнают и у тебя не будет проблем. А ваша подростковая любовь очень скоро пройдёт.

Он встал и резко взял сына за руку выше локтя. Эмир

упёрся, потянул руку на себя. Вика сидела уже в слезах и не могла вымолвить ни слова.

— Эмир, — сказал мужчина, не повышая голоса. — Идём по-хорошему или ребята вынесут тебя отсюда. Не думаю, что ты хочешь этого при ней.

Отец и сын стояли друг против друга. В зале было тихо, музыка играла всё так же ровно, и девушка за стойкой делала вид, что вытирает и без того чистые стаканы. Эмир смотрел отцу в глаза. Он боялся его с детства и уважал.

Вика встала. Салфетка осталась смятой в её кулаке.

— Дядя Ибрагим, пожалуйста, — сказала она. — Мы хотим быть вместе.

Ибрагимов посмотрел на неё грозно.

— Девочка, это невозможно. Ты Власова. Ты всё понимаешь, не глупая.

Он дёрнул руку Эмира, и они пошли к выходу. Эмир оглядывался, и Вика тихо плакала, прижимая салфетку к лицу.

Алиса поняла, что ей придётся действовать прямо сейчас, иначе Вика ещё долго не скажет.

— Не получится просто уйти! — громко сказала Алиса вслед Ибрагиму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.